

КУЛЬТУРА МИРА

Том 9. Выпуск 2.

Спецвыпуск

Совет рецензентов издания совместно с профессорско-преподавательским составом ведущих высших учебных заведений.

Зарегистрирован в 2013

При отборе материалов для публикации главным критерием является их высокий научный уровень. При этом редакция исходит из принципиальной допустимости плюрализма научно аргументированных точек зрения, которые могут не совпадать с позицией издателей.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

При перепечатке ссылка на журнал «Культура мира» обязательна.

Рукописи рецензируются.

E-mail: izdanie-k@list.ru

ISSN 2949-2521

4 номера в год

Сайт: <http://kultura-mira.ru>

Язык: русский, английский, испанский, китайский.

Адрес: 119034, Москва, Кропоткинский пер., д. 10, стр. 6а

Зам. гл. ред. С.В. Чапкин

Корректор Е.А. Белоусова

Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro

Формат 60х90/16. Тираж экз. 500

Усл. п. л. 5,75

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Главный редактор

Рябова Е.Л. - доктор политических наук, кандидат социологических наук, профессор. Эксперт международных ассоциаций. Член Экспертной группы Совета при Президенте Российской Федерации.

Заместитель главного редактора

Халимбеков Х.З. - доктор экономических наук, профессор, международный эксперт.

Члены редколлегии

Арефьев М.А. - доктор философских наук. Профессор СПбГАУ, Заведующий кафедрой философии и культурологии СПбГАУ. Санкт-Петербургский Государственный Аграрный Университет.

Болотских Е.Г. - почетный член Российской Академии Художеств, Заслуженный художник Российской Федерации, Член Российского Союза Художников, Московского Союза Художников, Творческого Союза Художников России, Международного Художественного Фонда, Профессор Кафедры дизайна РГСАИ. Российская государственная специализированная академия искусств.

Вань Хайянь - кандидат экономических наук. Старший научный сотрудник, Заместитель заведующей Центра по изучению ЦА, Центр по изучению России, Институт международных отношений и регионального развития и Институт по изучению ШОС Восточно-китайского педагогического университета.

Водолацкий В.П. - доктор социологических наук. Депутат Государственной Думы Российской Федерации, Верховный Атаман Союза Казаков-Воинов России и Зарубежья, Казачий генерал.

Грэм Стоуэрс - политолог, эксперт. Великобритания.

Гюльзар Ибрагимова - доктор политических наук. Профессор Университета Нигде Омер Халисдемир, отделение Политологии и Международных Отношений Факультета Экономических и Административных Наук. Турецкая Республика.

Демьяненко Ю.А. - кандидат социологических наук. Ректор ФГБОУ ВПО «Псковский государственный университет».

Долгенко А.Н. - доктор филологических наук. Заведующий кафедрой русского и иностранных языков АСК РФ (Академии Следственного Комитета Российской Федерации. Академия Следственного Комитета Российской Федерации).

Дон Ансельмо Сантос - доктор политических наук. Профессор университета Комплутенсе, г. Мадрид.

Забулионите К.И. - доктор философских наук, профессор, председатель Петербургского международного культурологического симпозиума, руководитель Секции философии культуры и культурологии в Санкт-Петербургском Доме Ученых.

Ивакин Г.А. - доктор исторических наук, профессор.

Иларионова Т.С. - доктор философских наук. Профессор РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, генеральный директор Института энергии знаний. Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Кузнецова Т.Ф. - доктор философских наук. Профессор МГУ. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Ли Эрюн - кандидат искусствоведения. Доцент академии искусств «Цзянси университет финансов и экономики» (Наньчан, Цзянси), КНР.

Мануйлов Николай - вице-президент Межрегиональной общественной организации «Общество дружбы с Кубой».

Мурашко С.Ф. - Профессор, доцент. Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Профессор кафедры русского и иностранных языков, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации.

Наумова Г.Р. - доктор исторических наук. Профессор МГУ, член Академии «Философия хозяйства». Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Нигматуллина Т.А. - доктор политических наук. Профессор АТиСО, директор Башкирского института социальных технологий ОУП ВПО «АТиСО», руководитель Центра ЮНЕСКО - ЮНЕВОК в РФ.

Никашина Н.В. - кандидат филологических наук. Доцент кафедры теории и практики перевода Российского университета дружбы народов, эксперт, руководитель международной редакции журнала «Миссия Конфессий».

Омар Годинес Лансо - академик. Академия художеств Российской Федерации.

Пейчева А.А. - эксперт по международным отношениям и политической коммуникации (Болгария).

Поканинова Е.Б. - доктор философских наук, кандидат социологических наук, действительный член РАЕН.

Пусько В.С. - доктор философских наук. Профессор МГТУ. Московского Государственного Технического Университета имени Н.Э. Баумана.

Себастьян Хоппе - научный сотрудник, Институт восточноевропейских исследований, факультет политики, международных отношений. Свободный университет Берлина.

Солонин К.Ю. - доктор философских наук, Профессор Института китайской классики Народного университета Китая. Пекин.

Терновая Л.О. - доктор исторических наук. Профессор МАДИ. Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет.

Туманян Т.Г. - доктор философских наук. Профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Востока.

Хикмет Кораш - профессор Университета Нигде Омер Халисдемир. Турецкая Республика.

Хитарова И.Ю. - доктор философских наук. Профессор, член философского общества.

Хонали Курбонзода - доктор исторических наук. Профессор, ректор Государственного учреждения «Республиканский Институт Повышения Квалификации и Преподготовки Работников Сферы Образования», Таджикистан. Республиканский Институт Повышения Квалификации и Преподготовки Работников Сферы Образования.

Чапкин С.В. - заместитель главного редактора, почетный профессор Академии экологии и права.

Чжан Вэй - политолог, эксперт КНР.

Ян Валлениус - политолог, эксперт. Фонд поддержки межнациональной культуры и общественных международных отношений, Финляндия.

Ячин С.Е. - доктор философских наук. Профессор ДВФУ, заведующий кафедрой философии ДВФУ, г. Владивосток. Дальневосточный федеральный университет.

CULTURAL WORLD

Volume 9. Issue 2.

Special Issue

Council of publications reviewers and the faculty members of leading universities.

Founded in 2013

The Council of Reviewers of the publishing house together with the teaching staff of leading universities:

The main criteria of our choosing materials for publishing is their high scientific level. The main principle of the publishing house is to accept pluralism of views if authors present their points of view in a well-argued manner. The author's view point does not have to coincide with the editors' view points.

The authors of submitted materials are responsible for the accuracy of facts, quotations, dates, events, geographical and proper names.

If you use any materials from the journal, you are to give a relevant reference to it.

All the submitted materials are reviewed.

E-mail: izdanie-k@list.ru

ISSN 2949-2521

4 issues per year

Website: <http://kultura-mira.ru>

Languages: Russian, English, Spanish, Chinese.

Address: 119034, Moscow, Kropotkinsky per., 10, building 6a

Deputy Chief Editor: Chapkin S.V.

Corrector: Belousova E.A.

Paper: offset

Types: Minion Pro

Format: 60x90

Copies: 500

Moscow 2021

EDITORIAL BOARD

Chief Editor

Ryabova E.L., Doctor of Political Sciences, Candidate of Sociological Sciences, Professor. Member of the Expert Group of the Cossacks Council under the President of the Russian Federation.

Chief Editor

Halimbekov Kh.Z., Doctor of Economics, professor, international expert.

Editorial Board

Arefev M.A., Doctor of Philosophical Sciences. Professor, Head of Department of Philosophy and Cultural Studies.

Bolotskih E.G., Honored Member of the Russian Academy of Arts, Honored Artist of the Russian Federation, Member of the Russian Union of Artists, the Moscow Union of Artists, the Creative Union of Artists of Russia, the International Art Foundation, Professor of the Design Department of the Russian State University of Art and Design.

Chapkin S.V., Deputy Chief Editor, Honorary Professor of the Academy of Ecology and Law.

Chjan Vei, Political scientist, expert of China.

Demyanenko Y.A., Candidate of sociological sciences. Rector VPO Pskov State University.

Don Anselmo Santos, Doctor of Political Sciences. Professor of Complutense University (Madrid).

Dolgenko A.N., Doctor of Philology. Head of the Department of the Russian and Foreign Languages of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Graeme Stowers, Political expert (United Kingdom).

Gülzar İbrahimova, Doctor of Political Sciences. Professor of the Omer Khalisdemir University, Department of Political Science and International Relations, Faculty of Economic and Administrative Sciences. Türkiye Cumhuriyeti.

Hikmet Koras, Professor of the Omer Khalisdemir University. Türkiye Cumhuriyeti.

Hitarova I.U., Doctor of Philosophical Sciences. Professor, Member of the Philosophical Society.

Honali Kurbonzoda, Doctor of Historical Sciences. Professor, Rector of the "National Institute of professional development and training of educators", Tajikistan.

Ilarionova T.S., Doctor of Philosophical Sciences. Professor of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, General Director of the Institute of energy of knowledge.

Ivakin G.A., Doctor of Historical Sciences, Professor.

Kuznecova T.F., Doctor of Philosophical Sciences. Professor of Lomonosov Moscow State University.

Li Eryong, Candidate of Art Criticism, Associate Professor college of Art, Jiangxi

University of Finance and Economics (Nanchang, Jiangxi), China.

Manuylov Nikolay, Vice President of the Interregional Public Organization "Friendship Society with Cuba".

Murashko S.F., Professor. Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Russian and Foreign Languages, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Naumova G.R., Doctor of historical sciences. Professor of the Lomonosov Moscow State University, Member of the Academy «Philosophy of Economy».

Nigmatullina T.A., Professor, Director of the Bashkir Institute of Social Technologies PMO VPO of the Academy of Labor and Social Relations, Head of UNESCO Centre in Russia.

Nikashina N.V., Associate Professor, the Department of Theory and Practice of Foreign Languages, the Institute of Foreign Languages, The Peoples' Friendship University of Russia (RUDN).

Omar Godínez Lanzo, Academician. Russian Federation Academy of Arts.

Peichiva A.A., Expert on international relations and political communication (Bulgaria).

Pokaninova Y.B., Doctor of Philosophical sciences, PhD in Sociological sciences, Academician RANS.

Pusko V.S., Doctor of Philosophical Sciences. Professor of the Bauman Moscow State Technical University.

Sebastian Hoppe, Research Associate, Institute for East European Studies, Department of Politics, International Relations. Freie Universität Berlin.

Solonin K.Y., Doctor of Philosophy. Professor of the Institute of Chinese classics, Chinese People's University. Beijing.

Ternovaya L.O., Doctor of historical Sciences. Professor of the Moscow Automobile and Road Construction University.

Tumanyan T.G., Doctor of Philosophical Sciences. Professor, Head of Department of Oriental Philosophy and Cultural Studies.

Wang Haiyan, Candidate of Economic Sciences. Senior Researcher, Deputy Head of the Center for Central Asian Studies, Center for Russian Studies, Institute of International Relations and Regional Development and the Institute for the Study of the SCO East China Pedagogical University.

Vodolackiy V.P., Doctor of Social Sciences. Deputy of the State Duma of the Russian Federation, Supreme Ataman of the Union of Cossacks of Russia and abroad Warriors, Cossack General.

Yachin S.E., Doctor of Philosophical Sciences. Professor, Head of the Department of Philosophy FEFU, (Vladivostok).

Yan Vallenius, Political expert. The fund for the support of inter-ethnic culture and public and international relations (Finland).

Zabulionite K.I., Doctor of Philosophy, Professor. Chairman of the St. Petersburg International Cultural Research Symposium. Head of the Section of Philosophy of Culture and Cultural Studies at the St. Petersburg House of Scientists.

Содержание

Актуальные вопросы науки

<i>Агамиров Н.И.</i> Ответственность VS предательство.....	10
<i>Рябова Е.Л., Терновская Л.О.</i> Празднование Нового года: дань традиции или магия времени.....	23

Политология

<i>Бирюков С.В.</i> Освальд Шпенглер, викторианство и перспективы «надсословной» России.....	38
<i>Щупленков Н.О., Щупленков О.В.</i> Дискурсивная конструкция международного терроризма.....	49
<i>Болтенкова Л.Ф.</i> Некоторые теоретические аспекты сущности тоталитаризма.....	65

Культурология

<i>Чибодаева М.П.</i> К иконографии образа утки-лебедя в изобразительном и декоративном искусстве Хакасско-Минусинской котловины (VII в. до н. э. - XII вв.).....	74
Аннотации	85
Авторы	91

Contents

Actual questions of science

<i>Agamirov N.I.</i> Responsibility VS betrayal.....	10
<i>Ryabova E.L., Ternovaya L.O.</i> Celebration of the New Year: a tribute to tradition or the magic of time.....	23

Political science

<i>Biryukov S.V.</i> Oswald Spengler, Victorianism and the Perspectives of a “Supraclassic” Russia.....	38
<i>Shuplenkov N.O., Shuplenkov O.V.</i> The discursive construction of international terrorism.....	49
<i>Boltenkova L.F.</i> Totalitarianism: the essence and signs.....	65

Culturology

<i>Chebodaeva M.P.</i> To the iconography of the Image of the Duck-swan in the fine and decorative arts of the Khakass-Minusinsk Basin (VII century BC-XII centuries).....	74
Abstracts	88
Authors	92

Актуальные вопросы науки

Actual questions of science

Агамиров Н.И.

*Кандидат политических наук, профессор
Российской академии адвокатуры и нотариата,
действительный член Российской академии социальных наук.*

Ответственность VS предательство

Сложный путь, пройденный человечеством, очень часто сравнивают с дорогой, изобилующей ухабами и усеянной булыжниками. Это сравнение во многом справедливо, потому что большинство достигнутых успехов было сопряжено с множеством преодоленных препятствий, и чем выше было достижение индивида, группы людей или их сообщества, тем больше явных и скрытых препятствий они преодолели. Если явные преграды чаще всего носят объективный характер, их можно предвидеть и попытаться построить стратегию их преодоления, то о тайных помехах часто не догадываются, даже когда они связаны с самыми близкими и, казалось бы, надежными соратниками, в итоге оборачивающимися коварными предателями. Это коварство далеко не сразу позволяет распознать подлинного предателя. Из-за этого история предательств даже менее исследована, чем история убийств.

Феномен предательства изучают специалисты из разных областей знаний, но особое внимание, по вполне понятным причинам, он находит в работах психологов. Однако, надо понимать, что даже если у самого факта предательства были узко личностные основания, а часто и простые корыстные интересы, влияние этого крайне неблагоприятного поступка, подобно кругам по воде, расхо-

* © Агамиров Н.И., 2021.

дится на все общество. А потому, предательство превращается в предмет интереса социологов¹.

Постепенно растет интерес к проблеме предательства и у политологов. Объяснение этого внимания можно найти в книге «Предательство интеллектуалов» (1927), авторство которой принадлежит французскому писателю, философу, публицисту Жюльену Бенда (1867 – 1956). По его убеждению, общественная функция интеллектуала состоит в том, чтобы сберегать вечные духовные ценности и служить человечеству моральным ориентиром, показывая людям такие образцы деятельности, которые не подчинены практическим смыслам. Однако, как считает Бенда, интеллектуалы оказались неспособными реализовать эту функцию, утратив свой важнейший атрибут, которым была беспристрастность. Они, напивавшись «политическими страстями», принялись разжигать эти страсти в массах². Проиллюстрировать позицию автора можно примером такого интеллектуала, как современный французский философ, журналист, писатель, политический деятель Бернар-Анри Леви, известного тем, что в 2011 г. он публично продвигал международное признание Национального переходного совета и вместе с президентом Франции Николя Саркози настаивал на военном вмешательстве в Ливии.

У любого предательства, от личного до глобального, имеется одна и та же платформа, созданная на осколках былого доверия³. Именно потому, что это основание является столь хрупким и неприглядным, у предательства нет четко устоявшейся дефиниции. При этом, палитра проявлений предательства весьма многообразна. И это несмотря на то, что психологи, специализирующиеся на воспри-

1 Akerstrom M. Betrayal and Betrayers: The Sociology of Treachery. 1st Edition. New York: Routledge, 1990.

2 Бенда Ж. Предательство интеллектуалов. М.: Литрес, 2020. Цифровая книга.

3 Рябова Е.Л., Терновая Л.О. «Большие обещания уменьшают доверие»: мысли о роли доверия в истории // Власть истории и история власти. 2019. Т. 5. № 18. С. 318-327.

ятии цветов, ассоциируют его с желтым цветом⁴.

Также важно отметить, что на всех уровнях социально-экономических, политических, духовно-нравственных взаимодействий истоками предательства часто служат близкие мотивы, заключающиеся в том, чтобы доказать свое превосходство, повысить собственную конкурентоспособность, снять с себя ответственность. Безусловно, в международных отношениях сложнее увидеть ревность в качестве причин скрытого конфликта, чем в отношениях межличностных. Но если посмотреть на ревность несколько шире и увидеть в ней появление дефицита доверия и нежелание предоставлять другому международному актору свободу действий, то окажется, что и эту причину можно отыскать в истории межгосударственных конфликтов. Но то, что в международном общении изобилуют случаи унижения партнеров, эмоциональной измены или элементарного равнодушия к судьбам других государств и народов, постоянно внушаются ложные надежды, повсеместно проявляется неисполнение взятых на себя обязательств, доказывается на бесчисленных примерах.

Сильные державы редко когда считались с чужими геополитическими желаниями. Можно вспомнить, что итальянская делегация несколько раз покидала зал заседаний парижской мирной конференции после Первой мировой войны, а Италию называли проигравшей среди победителей. В самой Италии в то время возник термин, который резюмировал принципы итальянского ирредентизма и реваншизма, «изуродованная победа» (итал. *vittoria mutilata*). Его в 1918 г. употребил итальянский писатель, поэт, драматург, военный и политический деятель Габриэле Д'Аннунцио (1863 – 1938)⁵, а позже данный термин

4 Терновая Л.О. Цвет и труд: хроматический подход к оценке кадровой безопасности // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 1 (151). С. 29-37.

5 Martinelli V. La guerra di D'Annunzio da poeta a dandy a eroe di guerra e comandante. Udine: Gaspari, 2001.

был позаимствован националистами, интервенционистами и ветеранами Первой мировой, как соответствующий их желанию дать нелицеприятную оценку отсутствия тех территориальных компенсаций, что причитались Италии после Лондонского договора и по условиям Падуанского перемирия с Австро-Венгрией.

Еще чаще исследователи международных отношений вынуждены констатировать наличие лжи в основе значительного числа принимаемых, порой судьбоносных, геополитических решений⁶. Притчей во языцех стала пресловутая пробирка с белым порошком, выдаваемым за споры сибирской язвы, продемонстрированная в 2003 г. госсекретарем США Колином Пауэллом в Совете Безопасности ООН с целью обосновать необходимость выступления западной коалиции против Ирака. В природе большинства международных коалиций, как правило, кроется чье-нибудь предательство. А о том, что международные отношения давно превратились в клубок манипуляций, лучше всего говорит фактически свершившаяся замена международного права на некие правила.

И все же, при достаточной прозрачности причин предательства, помогающим разобраться в объективной стороне этого крайне негативного явления, лучшим доказательством его неприглядности выступает портретная галерея предателей разных времен и народов. Открыть эту галерею можно с Библии, где есть множество сюжетов предательства, начиная с Каина. Однако, классическим воплощением этого понятия стал образ Иуды Искарота, предавшего Иисуса Христа за тридцать сребреников. Данте в своей «Божественной комедии» поместил Иуду в глубочайшую яму ада.

Есть много коранических установок, предостерегающих от вероломства и измены. Понятие «предательство»

6 Терновая Л.О. Цена лжи в международных отношениях // Этносоциум и межнациональная культура. 2015. № 9. С. 100-107.

и слова, от него образованные, употреблены в Коране более тридцати раз. К примеру, аят 27 Суры 8 Корана гласит: «О те, которые уверовали! Не будьте вероломны, не предавайте Бога и его Посланника (творя нечестие и зло), не изменяйте в том, что доверено вам другими». В хадисах Пророка Мухаммеда, в частности, сказано: «Четыре качества, если они присущи человеку, делают его настоящим лицемером: когда ему доверяют и он предает; когда он говорит (обещает) и лжет (нарушает свое обещание); когда заключает договор и поступает вероломно, когда враждует (с кем-либо) и допускает беззакония».

Исторические факты о горестных последствиях коварных деятелей предателей дали почву на их переосмысления в мировой культуре. В 2000 г. в американском художественном фильме режиссера Зака Снайдера «300 спартанцев» (англ. 300) спартанский пастух Эфиальт был изображен как горбатый урод, который указал Ксерксу на узкую дорогу, позволяющую обойти греческих воинов, защищающих узкий проход Фермопил, где в 480 г. до н.э. огромная персидская армия столкнулась с сопротивлением небольшой группы греков во главе с Леонидом. Эфиальт рассчитывал на награду от Ксеркса, но не получил ее. А вот греки наградили того, кто убил этого предателя. Что лишний раз напоминает о том, что часто предатели не получают обещанного. И также предают. А закон бумеранга срабатывает, поскольку редкий предатель заканчивает свою жизнь в почете и благополучии.

Древнеримская история повествует о том вероломном поступке, который ассоциируется с крылатым выражением *Et tu, Brute?* («И ты, Брут?»). Эти слова приписываются императору Юлию Цезарю, увидевшему в числе своих убийц Марка Юния Брута (85 до н.э. – 42 до н.э.), которого некоторые источники называли его сыном. Но милости, что ему постоянно оказывал Цезарь, не помешали Бруту примкнуть к заговору, организованному другим предате-

лем — Гаем Кассием Лонгином (865 до н.э. – 42 до н.э.). Его судьба типична для предателей: он покончил с собой через два года после убийства Цезаря.

Высшая форма предательства — государственная измена. В Соединенном Королевстве есть образ такого предателя по имени Гай Фокс (1570 – 1606). С его именем связан неудавшийся Пороховой заговор (англ. *Gunpowder Plot*) 1605 г., представлявший собой неудачную попытку покушения на жизнь английского короля Якова I группы заговорщиков⁷. В истории этого предательства тоже можно увидеть закономерность: положение католиков в Англии, за судьбу которых так переживал Фокс, после раскрытия заговора, стало еще хуже. Это указывает на то, что часто предатели лишь прикрываются заботой о благе других, а руководят ими корыстные интересы и желание прославиться. Однако посмертную славу Гай Фокс получил: его гротескное изображение стало интернет-мемом после появления в фильме «V — значит вендетта» и превратилось в символ протестного движения, в частности, акции «Захвати Уолл-стрит» (англ. *Occupy Wall Street*, OWS) 2011 г.

Успех колониальных захватов европейских держав не был бы столь ошеломляющим без предательств со стороны элит тех государств, к богатствам которых колонизаторы питали особые аппетиты. Одним из таких предателей был шестой навваб Бенгалии Мир Джафар (1791 – 1765), заключивший сделку с Робертом Клайвом из Ост-Индской кампании. Когда же Джафар осознал, что англичане его элементарно переиграли, он попытался заключить союз с датчанами, на этот раз, чтобы остановить англичан, но в результате его свергли. Таким образом, очередной раз проявилось проклятие предательства.

Американская история получила собственного предателя еще во время Войны за Независимость в лице Бенедикта Арнольда (1741 – 1801), бывшего в начале войны

7 Haynes A. The gunpowder plot: faith in rebellion. Stroud: A. Sutton, 1994.

успешным командиром, имевшим звание генерал-майора, но он посчитал себя обойденным почетом и наградами. И это явилось основанием для того, чтобы совершить предательство и перейти на сторону Великобритании. Есть версия, что в конце жизни Арнольд раскаялся. И здесь опять проявляется жесткая закономерность предательства: раскаяние не спасает от той заслуженной оценки, которую получает этот поступок у современников и потомков.

К предателям периода Второй мировой войны относят основателя норвежской ультраправой партии Национальное единение (норв. *Nasjonal Samling*) Видкуна Квислинга (1887 – 1945). Эта партия фактически превратилась в орган оккупационных властей, а сам Квислинг стал главой правительства Норвегии. Его линия предательства может быть отнесена к такой разновидности, как коллаборационизм. Чаще это не прямое участие в военных действиях на стороне противника собственной родины, как у советского генерала Красной Армии, нацистский пособника Андрея Власова, а работа на врага в государственных органах, на промышленных предприятиях, обслуживающих фронт и пр., но подобную деятельность нельзя рассматривать иначе, чем предательство. В годы Второй мировой войны был восточным вариантом коллаборационизма. К такому можно отнести действия члена левой партии Гоминьдан Ван Цзинвэя (1883 – 1944), возглавившего в годы японской оккупации коллаборационистское правительство в Нанкине.

Безусловно, окрашивать всех предателей одной желтой краской было бы неверным. Есть такие предатели, которыми движут благие намерения. Так, техник-ядерщик Мордехай Вануну, будучи сторонником движения за мир и противником применения оружия массового уничтожения (ОМУ), сообщил в 1986 г. детали израильской программы создания ядерного оружия британской прессе. А американский технический специалист, бывший сотруд-

ник Центрального разведывательного управления США (ЦРУ; англ. *Central Intelligence Agency, CIA*) и Агентства национальной безопасности (АНБ; англ. *National Security Agency, NSA*) Эдвард Сноуден в 2013 г. передал журналистам газет *Guardian* и *Washington Post* секретную информацию АНБ о тотальной слежке американских спецслужб за информационными коммуникациями между гражданами многих государств, а еще более — за их руководством.

Можно заключить, что пик предательства во многом совпадает с переломным моментом истории того или иного государства или даже мирового сообщества. При индивидуальности каждого акта предательства у них, в совокупности, есть не только закономерности, отмеченные выше, но и способность указывать на те больные точки, которые когда-либо в будущем могут стать очагом серьезного конфликта. Есть такие примеры и в истории России. Так, генерал-лейтенант К.В. Сахаров, который в годы Гражданской войны в Сибири командовал армиями у адмирала А.В. Колчака, а также участвовал в Сибирском Ледяном походе, оставил воспоминания, в которых с сегодняшней геополитической позиции особый интерес представляют размышления о Чехословацком корпусе и его неблагоприятной роли в событиях Гражданской войны⁸. Эти взгляды позволяют не удивляться тому, что современные чешские власти обвинили российские спецслужбы в причастности к взрыву складов боеприпасов во Врбетице в 2014 г.

Повышенный интерес к вопросу о предательстве в нашей стране и судьбах самих предателей связан с более сложной проблемой ответственности власти, отечественная история которой перенасыщена недосказанностями, парадоксами, мифами и тайнами. В них есть ноты предательства элит, как при отречении императора Николая II от престола, произошедшем 2 (15) марта 1917 г., или они

8 Сахаров К.В. Белая Сибирь. Чешское предательство (сборник). М.: Вече, 2018. Цифровая книга.

обнаруживаются в загадочности смерти Сталина 5 марта 1953 г. Но еще больше сомнений в полном отсутствии предательства идей государства и народа со стороны самих лидеров, например, Н.С. Хрущева, о мотивах которого по передаче Крыма до сих пор кипят споры⁹.

Намного чаще можно встретить понятие «предательство», когда мы ищем ответ на вопрос, в чем заключалась самая главная причина крушения СССР. Некоторые исследователи видят в этом качестве предательство, прежде всего, главной политической цели большевиков, состоящей в борьбе за мировую революцию¹⁰. Но если не подниматься до глобальных высот, а, наоборот, опуститься на персональный уровень и прислушаться к мнению очевидцев, например, Н.И. Рыжкова и В.С. Павлова, которые были премьер-министрами советского правительства, а также Б.И. Олейника, являвшегося заместителем председателя Палаты Национальностей Верховного Совета, то можно будет проследить путь предательства М.С. Горбачева¹¹. В такой аргументации нельзя дистанцироваться от признания факта, что Советский Союз представлял собой мощнейшую сверхдержаву и мог противостоять всей западной коалиции. Но те процессы, которые разъедали советское руководство, не только ускоряли разрушение СССР, но и закладывали мины под фундамент успешного развития стран, возникших на постсоветском пространстве и их эффективного межгосударственного взаимодействия¹².

Оценивая предательство, приходится с горечью констатировать, что примеры из прошлого легче поддаются

9 Дорофеев Г.В. Хрущев: интриги, предательство, власть. М.: Мозаика-Синтез, 2013. Цифровая книга.

10 Верхотуров Д.Н. Предательство. Крушение СССР и путинская Россия. М.: SelfPub, 2019. Цифровая книга.

11 Олейник Б.И. Горбачев. Анатомия предательства. М.: Родина, 2021. Цифровая книга.

12 Шамбаров В.Е. Предательство в КПСС. Хроника разрушения СССР. М.: Родина, 2020. Цифровая книга.

анализу, чем те, что касаются близкого нам времени. Это утверждение справедливо по отношению к феномену Горбачева, который плохо изучен. В.Н. Швед, государственный советник 3-го класса, с начала 1990-х гг. занимавший пост второго секретаря ЦК Компартии Литвы, бывший член ЦК КПСС, а позже депутат Верховного Совета Литвы и руководитель аппарата комитета Госдумы Российской Федерации по труду и социальной политике, являющийся автором исследований, посвященных расследованию военных преступлений в Катыни и постсоветских политических процессов в Литве, уверяет, что в действиях советского руководства можно найти проявления предательства¹³.

Предательство верхов может быть побеждено ответственностью низов. Поэтому, те организаторы государственных переворотов, которые ориентируются на предательство лидеров, не забывают о том, что им легче совершить такой шаг, когда есть на кого опереться. Со времени Гражданской войны в Испании (1936 – 1939) одной из главных опор предателей национальных интересов выступает «пятая колонна» (исп. *quinta columna*), куда вливаются различные типы внутреннего противника действующего режима. Известно много поучительных примеров действий подобных предателей. Но еще больше фактов по-прежнему скрыты, например, о формировании в середине 1920-х гг. немецкой «пятой колонны» в СССР¹⁴. «Пятая колонна» особенно опасна в периоды «поворотов истории». Именно об этом рассказывается в книге Е.А. Федорова «Госпереворот. Технология предательства». Автор обвиняет «пятую колонну» в предательстве, доказывая, что именно ее представители, присутствовавшие во всех

13 Швед В.Н. Кто вы, mr. Gorbachev? История ошибок и предательств. М.: Вече, 2016. Цифровая книга.

14 Савин А.И. Формирование концепции немецкой «пятой колонны» в СССР (середина 1920-х годов) // Вопросы германской истории. Немцы Украины и России в конфликтах и компромиссах XIX – XX вв.: Материалы международной научной конференции. Днепропетровск, 24 – 27 сентября 2007 г. / Отв. ред. С. И. Бобылева. Днепропетровск: «Пороги», 2007. С. 215-227.

структурах российского общества после распада Советского Союза, от СМИ до правительства, способствовали тому, чтобы Россия не смогла сопротивляться попыткам внешних сил установить полный контроль над происходящими в стране политическими процессами. В качестве самого простого инструмента мобилизации предателей называются гранты западных фондов. Также отчетливо виден интерес тех, кто провозгласил себя победителем в холодной войне, к системе образования, разрушение которой позволяет легко манипулировать общественным мнением¹⁵.

Обычно мы изучаем историю по славным победам и свершениям, но есть и обратная сторона, в которой изобилуют поражения и предательства. И как бы не было неприятным обращаться к таким фактам, это необходимо делать, поскольку в этом состоит не только ответственное отношение исследователя, но и обнаруживается возможность очистить понимание ответственности власти и общества от лишних иллюзий и фантазий.

References

- [1] Benda J. Betrayal of intellectuals. M.: Litres, 2020. Digital book.
- [2] Verkhoturov D.N. Betrayal. The collapse of the USSR and Putin's Russia. M.: SelfPub, 2019. Digital book.
- [3] Dorofeev G.V. Khrushchev: intrigue, betrayal, power. M.: Mosaic-Synthesis, 2013. Digital book.
- [4] Oleinik B.I. Gorbachev. Anatomy of betrayal. M.: Rodina, 2021. Digital book.
- [5] Ryabova E.L., Ternovaya L.O. "Big Promises Reduce Trust": Thoughts on the Role of Trust in History // The Power of History and the History of Power. 2019. V. 5. № 18. P. 318-327.
- [6] Savin A.I. Formation of the concept of the German "fifth column" in the USSR (mid-1920s) // Questions of German history. Germans of Ukraine and Russia in conflicts and compromises of the 19th – 20th centuries: Proceedings of the international scientific conference. Dnepropetrovsk, September 24 - 27, 2007 / Ed. ed. S.I. Bobylev. Dnepropetrovsk: "Thresholds", 2007. P. 215-227.
- [7] Sakharov K.V. White Siberia. Czech betrayal (compilation). Moscow: Veche, 2018. Digital book.
- [8] Ternovaya L.O. Color and labor: a chromatic approach to assessing personnel security // Ethnosocium and interethnic culture. 2021. No. 1 (151). pp. 29-37.
- [9] Ternovaya L.O. The price of lies in international relations // Ethnosocium and international culture. 2015. № 9. P. 100-107.

15 Федоров Е.А. Госпереворот. Технология предательства. М.: ИГ «Весь», 2016. Цифровая книга.

- [10] Fedorov E.A. Coup d'état. Technology of betrayal. M.: IG "Ves", 2016. Digital book.
- [11] Shambarov V.E. Betrayal in the CPSU. Chronicle of the destruction of the USSR. M.: Rodina, 2020. Digital book.
- [12] Shved V.N. Who are you, mr. Gorbachev? History of mistakes and betrayals. M.: Veche, 2016. Digital book.
- [13] Akerstrom M. Betrayal and Betrayers: The Sociology of Treachery. 1st Edition. New York: Routledge, 1990. 166 p.
- [14] Haynes A. The gunpowder plot: faith in rebellion. Stroud: A. Sutton, 1994. 160 p.
- [15] Martinelli V. La guerra di D'Annunzio da poeta a dandy a eroe di guerra e comandante. Udine: Gaspari, 200. 343 p.

Библиографический список

- [1] Бенда Ж. Предательство интеллектуалов. М.: Литрес, 2020. Цифровая книга.
- [2] Верхотуров Д.Н. Предательство. Крушение СССР и путинская Россия. М.: SelfPub, 2019. Цифровая книга.
- [3] Дорофеев Г.В. Хрущев: интриги, предательство, власть. М.: Мозаика-Синтез, 2013. Цифровая книга.
- [4] Олейник Б.И. Горбачев. Анатомия предательства. М.: Родина, 2021. Цифровая книга.
- [5] Рябова Е.Л., Терновая Л.О. «Большие обещания уменьшают доверие»: мысли о роли доверия в истории // Власть истории и история власти. 2019. Т. 5. № 18. С. 318-327.
- [6] Савин А.И. Формирование концепции немецкой «пятой колонны» в СССР (середина 1920-х годов) // Вопросы германской истории. Немцы Украины и России в конфликтах и компромиссах XIX – XX вв.: Материалы международной научной конференции. Днепропетровск, 24 – 27 сентября 2007 г. / Отв. ред. С.И. Бобылева. Днепропетровск: «Пороги», 2007. С. 215-227.
- [7] Сахаров К.В. Белая Сибирь. Чешское предательство (сборник). М.: Вече, 2018. Цифровая книга.
- [8] Терновая Л.О. Цвет и труд: хроматический подход к оценке кадровой безопасности // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 1 (151). С. 29-37.
- [9] Терновая Л.О. Цена лжи в международных отношениях // Этносоциум и межнациональная культура. 2015. № 9. С. 100-107.
- [10] Федоров Е.А. Госпереворот. Технология предательства. М.: ИГ «Весь», 2016. Цифровая книга.
- [11] Шамбаров В.Е. Предательство в КПСС. Хроника разрушения СССР. М.: Родина, 2020. Цифровая книга.
- [12] Швед В.Н. Кто вы, mr. Gorbachev? История ошибок и предательств. М.: Вече, 2016. Цифровая книга.
- [13] Akerstrom M. Betrayal and Betrayers: The Sociology of Treachery. 1st Edition. New York: Routledge, 1990. 166 p.
- [14] Haynes A. The gunpowder plot: faith in rebellion. Stroud: A. Sutton, 1994. 160 p.
- [15] Martinelli V. La guerra di D'Annunzio da poeta a dandy a eroe di guerra e comandante. Udine: Gaspari, 200. 343 p.

Агамиров Н.И.

Кандидат политических наук, профессор, Российская академия адвокатуры и нотариата, действительный член Российской академии социальных наук.

Ответственность VS предательство

Аннотация. В статье на обширном историческом материале и широчайшем геополитическом массиве показаны те компоненты, которые присутствуют в любом предательстве. Доказывается, что предательство выступает оборотной стороной ответственности, которая проявляется на всех уровнях, от личного до глобального. Изучение проблемы предательства направлено на более глубинное понимание, того, как в сложные исторические периоды проявлять ответственность перед народом, государством и перед собой.

Ключевые слова: геополитика, история, международные отношения, ответственность, предательство, власть.

Agamirov N.I.

Candidate of Political Sciences, Professor of the Russian Academy of Advocacy and Notaries, full member of the Russian Academy of Social Sciences.

Responsibility VS betrayal

Abstract. The article, based on extensive historical material and the widest geopolitical array, shows those components that are present in any betrayal. It is proved that betrayal is the reverse side of responsibility, which manifests itself at all levels, from personal to global. The study of the problem of betrayal is aimed at a deeper understanding of how to show responsibility to the people, the state and to oneself in difficult historical periods.

Key words: geopolitics, history, international relations, responsibility, betrayal, power.

Рябова Е.Л.

*Доктор политических наук, главный редактор журнала
«Этносоциум и межнациональная культура».*

Терновая Л.О.

*Доктор исторических наук, профессор,
Московский автомобильно-дорожный государственный
технический университет (МАДИ).*

**Празднование Нового года:
дань традиции или магия времени***

Когда мы говорим о магии времени, то, как правило, подразумеваем господство в наших представлениях определенных исторических фактов о знаковых событиях прошлого, изменивших жизнь людей какой-либо страны или всего мира. Но есть и такие подтверждения этой власти, которые позволяют ощутить возможность самим прикоснуться к рулевому колесу истории. Таком ежегодный переход через хронологическую границу, разделяющую Старый и Новый год. То, что для подавляющего большинства людей в разных странах, разных национальностей, культур и религиозных убеждений именно наступление Нового года является самым любим праздником, не вызывает сомнений. Очевидно и то, что с каждым годом в новогодних торжествах происходит изменение соотношения их компонентов: сказочного, волшебного, полного счастья радости и социального, экономического, политического наполнения надежд и ожиданий как простых граждан, так и людей, облеченных властью. Откровенно

* © Рябова Е.Л., Терновая Л.О., 2021.

говоря, и в былые времена пропорции этих компонентов не отличались стабильностью. Новый год всегда был своеобразным измерителем эффективности взаимодействия власти и общества.

На примере политики по установления календарного начала года хорошо видно, как с учетом специфики момента общество проявляло великодушие по отношению ко власть предержащим и очередной раз выдавало им кредит доверия. История празднования начала Нового года насчитывает около двух с половиной тысячелетий. Считается, что истоки этого праздника уходят в самые ранние периоды развития первых цивилизаций, которые были цивилизациями аграрными, а потому весеннее пробуждение природы было знаком нового цикла. Поэтому в большинстве древних культур этот обычай приходился на начало весны. Но в 46 г. до н.э. Юлий Цезарь в рамках реформы календаря перенес начало года на 1 января, на день, отмечающий начало нового месяца после зимнего солнцестояния. Несмотря на это шаг древних римлян в Европе переход на январский годовой цикл растянулся на несколько столетий, а многие неевропейские народы и сейчас имеют разные календарные даты, отсылающие к началу нового года. Во Франции еще в XVI в. время Новый год начинался не 1 января, а 1 апреля. В 1564 г. король Карл IX выпустил указ, предписывающий отсчитывать начало каждого нового года 1 января. Однако некоторым французам, среди которых было немало представителей знати, подобные перемены были не по нраву, но нарушить королевский указ они также побаивались. А потому нашли выход из положения, продолжая отмечать Новый год весной и даря своим близким шуточные подарки, как правило, в форме рыб, а также устраивая розыгрыши. Рыба оказывалась самым распространенным подарком, поскольку первое апреля выпадало на период поста, когда запрещено употребление в пищу мяса. И такой компро-

мисс между двумя празднованиями начала года – прежним и новым, отчетливо дал власти понять, что общество может принять и другие, гораздо более жестокие послания. Чем, по сути и стал сигнал власти о начале Варфоломеевской ночи - массовой резни гугенотов во Франции, устроенной католиками в ночь на 24 августа 1572 г., в канун дня святого Варфоломея, когда погибло несколько десятков тысяч человек.

Что касается нашей страны, то хорошо известно, что Петр I издал указ, запрещающий отмечать 1 сентября как дату вступления в новый год. И 15 декабря 1699 г. из уст царского дьяка под барабанный бой на на Красной площади в Москве было объявлено повеление в знак доброго начинания и начала нового столетия после благодарения Богу и молебного пения в церкви по большим проезжим улицам, и знатным людям перед воротами учинить некоторое украшение от древ и ветвей сосновых, еловых и можжевельных. Скудные (т.е. бедные) же люди обязывались хотя по дереву или ветви над воротами поставить. И стоять то украшение должно было по 7-е января. В первый день года следовало в знак веселья друг друга поздравлять с Новым годом, а также устраивать на Красной площади огненные потехи со стрельбой. Известно, что сам Петр I и запустил в небо ракету, которая, извиваясь в воздухе огненной змейкой, возвестила народу наступление Нового года, а вслед за тем началось празднование и по всей Первопрестольной. С тех пор на Руси повелось, что 1 января знаменует не только начало календарного года, но и важных государственных процессов. Например, в новый год, 1 января 1810 г., был открыт в преобразованном виде Государственный совет или в в новогоднюю ночь 1944 г. по радио прозвучало первое официальное исполнение нового государственного Гимна СССР. Наконец, 1 января 1947 г. стало в Советском Союзе выходным днем.

Менее заметно, но не менее важно влияние полити-

ки на художественное обрамление новогоднего праздника. Использование ели в качестве главного элемента рождественского и новогоднего убранства идет еще от языческих времен. Языческой традиции следовали люди, когда украшали деревья орехами, сладостями и другими лакомствами. Затем к ним добавились христианские символы, воплощенные в елочных украшениях: Вифлеемские звезды, ангелы, фигурки животных и пастушью посохи, отсылающие к рождению Спасителя. Идея устанавливать елку внутри помещения принадлежит британскому принцу Альберту, супругу королевы Виктории. С возникновением технологии изготовления стеклянных елочных игрушек, что произошло в 1848 г. в тюрингском городе Лауша, для этого вида производства также открылись пути политизации его продукции. Тем более, тому способствовала эпоха идеологических битв, в которой нельзя было пропустить ни один возможный пропагандистский элемент.

Политика ворвалась в мир новогодней символики в годы Первой мировой войны. На русской новогодней открытке солдат в папаше с усиками и рукой на перевязи изображен вместе с миловидной девицей, рисунок был обрамлен венком из еловых веток с шишками, а внизу стишок: «К миленькой поправиться привезли Ивана... С такой красавицей все забудешь раны!» Плакаты того же времени оповещали о рождественских продажах игрушек в пользу детей, чьи отцы на фронте.

После Октября 1917 г. новогодние елки еще поводились. Известно, что в 1919 г. Ленин даже посетил елку в лесной школе в Сокольниках, по дороге на которую был ограблен бандитами, а в декабре 1923 г., незадолго до своей смерти, побывал на елке в Горках. За несколько месяцев до наступления 1920 г., 21 мая 1919-го, в Большом театре впервые показали «Щелкунчика» в постановке Александра Горского, с декорациями и костюмами

Константина Коровина. На сцене перед голодной публикой возникал огромный стол с роскошным кофейным сервизом, из которого «выходили» танцовщики, чтобы исполнить танцы «кофе», «чая» и «шоколада». Возможно, экономические трудности вели к формированию нового политического прочтения новогодних праздников. В 1922 г. была проведена кампания за преобразование дня Рождества Христова в «комсомольское рождество» - «комсвятки». Комсомольские ячейки должны были организовывать празднование «комсвятков» 25 декабря по новому стилю, которое было нерабочим днем. Мероприятия состояли из чтения докладов, разоблачавших «экономические корни» рождественских праздников, инсценировок политических сатир, исполнения комсомольских песен на церковные мотивы. На второй день праздника организовывались уличные шествия-карнавалы, участники которых наряжались в костюмы Антанты, Колчака, Деникина, кулака, нэпмана, в языческих богов и даже в рождественского гуся и поросенка. На третий день в клубах, школах, детских домах проводились «комсомольские елки». При создании новых праздничных ритуалов, советские идеологи стремились использовать элементы традиционных календарных обрядов, как народных, так и церковных. Отсюда и обращение к елке как к компоненту «комсомольского рождества».

В 1924-м Новый год в Советском Союзе был признан мещанским праздником. В изданных в 1927 г. в «Материалах к антирелигиозной пропаганде в рождественские дни» указывалось: «Ребят обманывают, что подарки им принес Дед Мороз. Религиозность ребят начинается именно с елки. Господствующие эксплуататорские классы пользуются «милой» елочкой и «добрым» Дедом Морозом еще и для того, чтобы сделать из трудящихся послушных и терпеливых слуг капитала». Эту же мысль развивал Демьян Бедный:

Под «Рождество Христово» в обед
Старорежимный елочный дед
С длинной-предлинной такой бородой
Вылитый сказочный «Дед-Мороз»
С елкой под мышкой саночки вез,
Санки с ребенком годочков пяти.
Советского тут ничего не найти!

В Ленинграде закрылась единственная в стране фабрика по производству елочных игрушек, также был прекращен ввоз таких игрушек из Германии. В школах вместо праздников елки проводились «антирождественские вечера», где инсценировались пьески, высмеивающие церковь и священнослужителей, пелись антирелигиозные сатирические куплеты и декламировались соответствующие произведения. Накануне Нового года дежурные вглядывались в окна квартир, ища, не светятся ли где-нибудь огни елок. В 1930 г. появилась карикатура «Елка — приманка для простачков».

История часто делает крутые повороты. Прошло совсем немного времени и у советского руководства сформировалось представление о том, что новогодние торжества можно активно использовать в коммунистической пропаганде. 28 ноября 1935 г. в газете «Правда» появилось письмо кандидата в члены Политбюро ЦК ВКП(б) Павла Постышева, в котором он писал о том, что до революции представители правящих классов наряжали для своих детей елки, на которые дети рабочих могли только с завистью смотреть через окно. Так почему бы в новое время не устраивать елки для детей рабочих и крестьян, зачем лишать детей такого удовольствия? В следующем номере «Правды» за подписью секретаря ЦК ВЛКСМ Александра Косарева было опубликовано постановление о проведении 1 января елок в школах, детских клубах и детских домах: предлагалось организовать заготовку елок, закупку игрушек и украшений, к изготовлению которых срочно приступили фабрики и заводы. Уже 30 декабря «Правда»

помещает фотографию улыбающихся детей, рассматривающих елку в витрине магазина. Елка стала обязательным атрибутом государственного празднования Нового года с соответствующей этому символикой: ее архитектоника напоминала башни московского Кремля, а звезда на верхушке из Вифлеемской превратилась в «красную пятиконечную» коммунистическую звезду. Два года спустя в Колонном зале Дворца Союзов была впервые установлена главная елка страны. Для детей и их родителей, приглашенных на эту елку, было устроено театрализованное представление. Это событие нашло отображение в детской песне:

Всех детей в нарядном зале
Наша елка соберет.
И родной товарищ Сталин
С нами встретит Новый Год.

На советских елках Дед Мороз стал появляться в сопровождении своей внучки и помощницы Снегурочки, которая до этого была лишь персонажем сказок, не имеющих отношения к Новому Году, да и опера Римского-Корсакова «Снегурочка» тоже была посвящена не новогодним торжествам. Постепенно изменялся облик Деда Мороза из ассоциировавшегося с холодом фиолетового кафтана, он «переоделся» в красную «революционную» шубу. Ярким коммунистическим содержанием наполнялись сценарии новогоднего праздника, авторами которых в 1950-е гг. были такие мастера детской литературы, как Лев Кассиль и Сергей Михалков.

Что касается промышленного производства елочных игрушек, то оно было организовано уже в 1935 г. Игрушки стали средством наглядной агитации. В 1937 г. была выпущена серия шаров с портретами членов Политбюро ЦК ВКП(б), а также большой шар с изображением Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. В методических материалах об организации праздника елки в детском саду, говорилось что верхушку надо украшать пятиконечной красной или

серебряной блестящей звездой, на средних ветках — вешать игрушки, не требующие детального рассматривания: бонбоньерки, хлопушки, крашеные шишки, бутафорские овощи и фрукты, а на краях ветвей — аэропланы, парашюты, пограничника Карацупу с собакой Ингусом, паровозы и броневики. Однако кого-то из руководящих товарищей озадачила двусмысленность фразы «повесить Ленина на елку». Основными темами игрушек 1930-х гг. были полярники, летчики, красноармейцы. Стали елочными игрушками модели стратостатов «СССР-1» и «Осавиахим-1», которые достигли высоты более 20 километров и полеты которых завершились катастрофами. Когда в 1937 г. дирижабль «СССР-В6» продержался в воздухе 130 часов и установил мировой рекорд продолжительности полета, дирижабли также стали елочными игрушками. В том же году в Арктике была организована первая в мире дрейфующая полярная станция «Север». Поскольку за дрейфом советских полярников следил весь мир, то многие хотели украсить елку фигурками полярников и белых медведей. Среди на первый взгляд аполитичных игрушек были развивающие сюжет популярного кинофильма «Цирк» об истории американской артистки цирка и ее чернокожего сына в виде разнообразных елочных негрят из ваты и, конечно же, артистов цирка.

В годы Великой Отечественной войны идеи Нового года соединялись с волей к Победе. В газетах появился стишок:

У него игрушек нет
В торбе за плечами.
Партизанит старый дед
Зимними ночами.
Деду некогда, поверь,
Мастерить игрушки.
Не пройдет фашистский зверь
По лесной опушке.

Но выпуск елочных украшений в военное время не прекращался. На заводе «Москабель» умудрялись делать игрушки из отходов военного производства: кусочков металла, проволоки и металлической стружки, скручивали из них звезды-макушки, корзинки и домики. Самая распространенная елочная игрушка военных лет – перегоревшая электрическая лампочка. Лампочки обрезали сверху, разукрашивали, расписывали, припаивали сверху петельку, превращая в подобие новогоднего «шарика».

После Победы популярными были были игрушечные автомобили «Победа», початки кукурузы, космонавты. С выходом на экраны «Карнавальной ночи» среди елочных украшений появились знамениты часы. Не только по елочным игрушкам можно изучать историю нашей страны, но и по оформлению подарков, которые вручали детям на елках. В 1930-е гг. в пакеты с подарками вкладывали агитки «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство»; в 1950 – 1960-е гг. детям дарили украшенные яркими рисунками жестяные сундучки, в которые складывали конфеты. В 1970-х дети уже получали пластмассовые коробки в виде Спасской башни Кремля или пятиконечной звезды.

Сейчас «политически содержательных» игрушек на елках почти не стало. Однако нижегородские мастера фабрики «Ариэль», чьими работами украшены елки в разных странах мира, писали на своих игрушках портреты президента США Рональда Рейгана, канцлера Германии Герхарда Шрёдера. Кстати, такой шарик этому государственному лидеру ФРГ подарил президент России Владимир Путин. Несколько лет назад фабрика получила заказ от администрации американского президента. На шарах требовалось изобразить Барака Обаму во время инаугурации. Главным условием было, чтобы тот получился жизнерадостным.

В период борьбы мира с пандемией коронавирусной инфекции новогодние игрушки отразили и эту угрозу гло-

бальной безопасности: на елочных шариках появились изображения медицинских масок.

В наши дни основным производителем новогодней атрибутики считается китайский городок Иву, где 750 компаний производят огромное количество новогодних украшений, составляющих почти весь мировой экспорт. Однако основные поставки идут в Бразилию и Россию. Однако мировой кризис сказался на покупательской способности. Так, продажи новогодних рождественских украшений снизились на 30%, а вот поставки в Россию выросли на 300%. Спрос на елочные игрушки внутреннем китайском рынке также высок, что можно рассматривать как проявление тенденции интеграции культур.

Несомненно, о сближении традиций празднования Нового года, говорит общность того, как поздравляли народы своих стран главы государств. За рубежом эти поздравления почти не отличаются от поздравлений президентом России граждан нашей страны. Исключение было накануне окончания холодной войны в 1987 г., когда Михаил Горбачев поздравлял американский народ, а Рональд Рейган — советский. Американские президенты выступают с поздравлениями, как правило, из Овального кабинета Белого дома. Поздравляя французский народ, президент страны традиционно заканчивает выступление оптимистичным и патетическим восклицанием «Да здравствует Франция»! К жителям Британии обращаются как королева, так и премьер-министр. В Австрии в новогоднем эфире народ поздравляет президент республики. В Германии с 1949 по 1969 гг. с новогодним обращением к стране выступал президент, но в 1970 г. федеральный канцлер Вилли Брандт решил, что поздравлять граждан должен он. Но как раз в Германии с новогодними обращениями глав государств произошел неприятный казус: 31 декабря 1986 г. немецкое телевидение взяло показало запись прошлогоднего обращения Гельмута Коля. Несоответствие было

замечено и 1 января 1987 г., извинившись за техническую ошибку, телевидение ФРГ транслировало правильное обращение канцлера.

Еще один важный политический момент связан с тем, какое главное новогоднее дерево устанавливается на центральных площадях в столицах мира и в обычных городах. В Нью-Йорке главная елка страны установлена рядом с Рокфеллеровским центром. Впервые рождественскую елку там зажгли в 1931 г. И каждый раз мэр города посвящает церемонию зажигания елки какому-то важному событию, например, в 2003 г. Майкл Блумберг посвятил торжественную церемонию американским солдатам, участникам антитеррористической коалиции в Афганистане и Ираке. Когда в 1940 г. немецкие войска вошли в Норвегию, то Британия приняла у себя норвежского короля Хаакона VII. В благодарность за помощь в освобождении в Лондоне в 1947 г. появилась норвежская рождественская ель. С тех пор ежегодно на церемонии установления ели присутствуют мэр Лондона и посол Норвегии в Великобритании. Елки могут указывать на экологические ценности: в литовском городе Каунасе на площади перед торговым центром рождественская елка состояла из 40 тыс. использованных пластиковых бутылок; из тысячи пивных бутылок *Heineken* сделали елку в Шанхае. Но новогодняя ель бывает и символом роскоши: в гостинице *Emirates Palace Hotel* в Абу-Даби была установлена самая дорогая в мире рождественская елка, украшенная драгоценностями от известных мировых производителей; можно встретить елки из кристаллов *Swarovski* или муранского стекла.

Еще более существенной представляется забота властей о том, чтобы в новогодние дни у граждан было не только все самое необходимое, но и хорошее настроение. В такое время происходит подъем волонтерской, благотворительной активности. В США в течение всех праздников на улицах работают множество волонтеров, переодетых

в костюмы Санта Клауса. Жители Будапешта ежегодно участвуют в благотворительной акции, которая является одним из самых необычных рождественских развлечений. По традиции в марафоне Санта-Клаусов из рождественской одежды на собравшихся надеты только купальники и плавки и колпаки с бубенчиками. Забег сказочных персонажей никогда не проводится на время: Санта-Клаусы всегда могут перевести дух и спеть пару рождественских песен. Средства с благотворительного забега идут в детский фонд «Волшебная лампа», помогающий осуществлять мечты тяжело больных детей. Невозможно забыть, как в 2012 г. по приглашению благотворительного фонда «Федерация» два легендарных тенора — Пласидо Доминго и Хосе Каррерас на концерте в храме Христа Спасителя под аккомпанемент Российского национального оркестра исполнили добрые рождественские песни и спели по-русски «В лесу родилась елочка».

Вероятно, в таком всплеске добрых дел есть и отголосок традиции отмечать в католических странах 31 декабря (в православных — 2 (15) января) день Святого Сильвестра, который изловил ветхозаветное чудовище — морского змея Левиафана (напомним, что Томас Гоббс образ этого библейского чудовища, изображаемого как сила природы, принижающая человека, использовал для описания могущественного государства, т.е. «смертного Бога»). В католической Европе считалось, что в 1000 г. этот библейский монстр вырвется на свободу и наступит конец света. Однако, Святой Сильвестр спас мир от катастрофы. Потому в память о Святом люди наряжаются в праздничные маскарадные костюмы и называют себя Сильвестр-Клаусами. И тогда они действительно верят, что им все под силу, даже справиться с Левиафаном, каким бы он ни был, библейским чудовищем или огромной государственной машиной. Ведь Новый год – это время чудес, а они поверить по-настоящему в них невозможно без силы магии традиции.

References

- [1] Poor Demyan. Christmas picture. Household // Truth. 1928. № 302. December 30.
- [2] Dushchikina E.V. From the history of the Russian Christmas tree (1920s - 1930s) // Living Antiquity. 2002. № 4. P. 9-11.
- [3] China prepares New Year toys // URL: <http://ru.jn1.tv/video/business/kitay-gotovit-novogodnie-igrushki.html>.
- [4] Materials for anti-religious propaganda on Christmas days. Tula, 1927.
- [5] Christmas tree. Music: N. Rozenberg Lyrics: A. Ai // URL: <http://www.zakprf44.ru/docs/texts.html>.
- [6] Postyshev P.P. Let's organize a good New Year's tree for the children! // Is it true. 1935. № 357 (6603). December 28th. P. 3.
- [7] Salnikova A.A. The history of a Christmas tree toy, or How the Soviet Christmas tree was decorated. M: New Literary Review, 2011. 240 p.
- [8] Ternovaya L.O. New Year: Mechanisms of social renewal. M.: International Publishing Center "Ethnosocium", 2014. 130 p.
- [9] Chumakova M.O. Anti-Christian mythology of the Soviet era (the appearance and consolidation in the state and public life of the red five-pointed star as a symbol of the new world) / Bible in culture and art. Proceedings of the scientific conference "Vipper readings - 1995". Issue. XXVIII. M.: State. museum of fine arts. A.S. Pushkina, 1996. P. 336-338.

Библиографический список

- [1] Бедный Демьян. Рождественская картина. Бытовая // Правда. 1928. № 302. 30 декабря.
- [2] Душечкина Е.В. Из истории русской елки (1920-е – 1930-е годы) // Живая старина. 2002. № 4. С. 9-11.
- [3] Китай готовит новогодние игрушки // URL: <http://ru.jn1.tv/video/business/kitay-gotovit-novogodnie-igrushki.html>.
- [4] Материалы к антирелигиозной пропаганде в рождественские дни. Тула, 1927.
- [5] Новогодняя елка. Музыка: Н. Розенберг Слова: А. Ай // URL:<http://www.zakprf44.ru/docs/texts.html>.
- [6] Постышев П.П. Давайте организуем к новому году детям хорошую елку! // Правда. 1935. № 357 (6603). 28 декабря. С. 3.
- [7] Сальникова А.А. История елочной игрушки, или Как наряжали советскую елку. М: Новое литературное обозрение, 2011. 240 с.
- [8] Терновая Л.О. Новый год: Механизмы социального обновления. М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2014. 130 с.
- [9] Чумакова М.О. Антихристианская мифология советского времени (появление и закрепление в государственном и общественном быту красной пятиконечной звезды как символа нового мира) / Библия в культуре и искусстве. Материалы научной конференции «Випперовские чтения – 1995». Вып. XXVIII. М.: Гос. музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, 1996. С. 336-338.

Рябова Е.Л.

Доктор политических наук, главный редактор журнала «Этносоциум и межнациональная культура».

Терновая Л.О.

Доктор исторических наук, профессор, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ).

Празднование Нового года: дань традиции или магия времени

Аннотация. В статье рассказано о политической составляющей новогодних праздников, о том, как эти праздники запрещались и разрешались в СССР, какие елочные украшения отражали историю страны и мира. Показано, почему в Новый год приковывается внимание к фигуре главы государства. Освещаются истоки благотворительной деятельности в этот период года.

Ключевые слова: Новый год, Рождество, традиции, политические ритуалы, благотворительность.

Ryabova E.L.

Doctor of Political Sciences, Candidate of Sociological Sciences, Professor, Editor-in-Chief of the IPC «Ethnosocium».

Ternovaya L.O.

Doctor of Historical Sciences, Professor. Moscow Automobile and Highway State Technical University.

Celebration of the New Year: a tribute to tradition or the magic of time

Abstract. This article describes the political component of the New Year, how these holidays were disable and enable in the Soviet Union, which reflect the history of the Christmas tree ornamentation in our country and in the world. Shows why the New Year attracts attention to the figure of the national leader. Highlights the sources of charitable activities in this period of the year.

Key words: New Year, Christmas, traditions, political rituals, charity.

Политология

Political science

Бирюков С.В.

Доктор политических наук, профессор кафедры социальной антропологии и межкультурных коммуникаций Сибирского института управления – РАНХиГС (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск), старший научный сотрудник Центра изучения России Восточно-Китайского педагогического университета (Шанхай, КНР), профессор кафедры политологии ТГУ (Томск), профессор кафедры истории КемГМУ (Кемеровский государственный медицинский университет).

Освальд Шпенглер, викторианство и перспективы «надсословной» России*

Освальд Шпенглер (1880-1936) – один из поздних представителей «философии жизни», создавший одну из наиболее оригинальных и значимых историософских и культурологических концепций XX века, и одновременно – оригинальный социальный мыслитель, отрицавший «научную» философию как метод, и с помощью особых интуитивных умозрений предсказавший «тектонические» сдвиги, случившиеся с Европой и человечеством в прошлом столетии.

Наиболее же интересным в рамках представленной им версии «философии жизни» является противопоставление друг другу двух социальных «полюсов» - «людей жизни», стремящихся обрести и почувствовать всю полноту

* © Бирюков С.В., 2021.

Освальд Шпенглер, викторианство и перспективы «надсословной» России

жизненных проявлений и благ (любовь, власть, богатство, слава, роскошь, респектабельность), и «людей истины», стремящихся к постижению сути процессов и явлений, с известной отрешенностью от ценностей и благ окружающего их мира.

Сам Шпенглер, следуя ницшеанской линии в философии, отдавал предпочтение «людям жизни» как силе, способной к созданию новых культурных и социальных форм. Попробуем экстраполировать подход Шпенглера на социальную историю. Последняя требует известного сбалансированного соотношения между «людьми жизни» и «людьми истины», без которого невозможно полноценное и устойчивое развитие обществ. Ибо торжество любого из этих «полюсов» в те или иные периоды социальной истории чревато масштабными издержками. «Люди истины» неизменно оторваны от «почвы» и склонны к реализации радикальных проектов и утопий, воплощение в жизнь которых приводит к созданию жестких идеократических и иерархических по своему характеру систем, мобилизующих ресурсы общества и не оставляющих простора для активности «людей жизни»; утопия Платона является одним из первых примеров такой «идеократической» и элитарной модели. В свою очередь, «люди жизни», будучи лишеными противовеса в виде общепризнанных ценностей и идей, равно как и всякого «идеократического контроля», способны превратиться в своеобразных «прожигателей» жизни, в своеобразный вариант эгоистической элиты и «разложившейся знати», стремящейся сохранить свой статус и блага с ущербом для остального общества (когда крупные «рыбы» поедают «мелких»). Подобный вариант «патологической иерархии» в итоге оказывается не менее тягостным для общества, чем бремя фанатичных утопистов и «идеократов».

Решение этой задачи по-разному достигалось в истории разных обществ. Одним из наиболее ярких примеров

ее успешного решения в новейшей истории является викторианская эпоха в истории Великобритании, пришедшая на время правления королевы Британской Империи **Виктории** (1837-1901). Данная эпоха характеризовалась крайней неоднородностью и неоднозначностью социальных процессов, быстрыми переменами во многих сферах человеческой жизни. Масштабные технологические («революция машин»), демографические и культурные сдвиги, изменение мировосприятия людей, трансформации в политической и социальной системе, тем не менее, сосуществовали с масштабными социальными проблемами – включая детский труд, беспризорность («диккенсовы дети»), рост рабочего движения (чартизм) и др. Однако именно успешно внедренные в этот период культурные «фильтры», стандарты, вкупе с действующими социальными «лифтами», помогли избежать масштабной социальной конфронтации, ведущей общество к революционным потрясениям. Именно в этот период люди, принадлежавшие к высшему и среднему классам английского общества, придерживались строгих ценностей, среди которых особое значение имели чувство долга и трудолюбие, респектабельность («джентльменство»), благотворительность и филантропия.

Нас же в рамках рассматриваемой темы викторианство интересует прежде всего как социальная и идеологическая платформа для компромисса между «людьми жизни» и «людьми истины». Именно в этот период истории английскому обществу удалось достигнуть определенного единства на платформе общей культуры и миссии (имперской и культуртреггерской) при различии жизненных стилей, при сохранении основными социальными группами высокой активности. Конвергенция английской аристократии с буржуазией, восходящая социальная мобильность «среднего» и «низшего» классов вкупе с известной демократизацией «высшего класса» создали качественно новую ситуацию, когда социальные различия и социальные

противоречия способствовали не конфронтации и расколу, но развитию общества в разных областях деятельности. В результате аристократия была освобождена от соблазна «социального самоедства», а нижние слои – от неизбежной деградации в ситуации социальной бесперспективности. Избирательное право и парламентская демократия стали общепризнанными институтами, которые соединяли нацию в одно политическое целое, сделав возможным эволюционное развитие страны. Как справедливо заключил по этому поводу в одной из своих статей ушедший от нас В.Л. Цымбурский: «Эпоха Виктории — время постоянно расширяющегося избирательного права, приливных плебейских, в том числе пролетарских, пополнений политического класса. Время, когда политический разум пуританской буржуазии с согласия наиболее здравых групп знати и при живейшей поддержке двора (тут историки отмечают особую роль супруга Виктории — немецкого лютеранина принца-консорта Альберта) решал двуетадную задачу. Этой задачей стало: во-первых, моральное обуздание аристократии, конвергенция ее с буржуазией (методы были многообразны — от образа идеальной буржуазной пары, выстраиваемого на всю страну королевской четой Викторией и Альбертом, от писем Виктории редактору «Таймс» с призывами обличать беспечность и аморальность людей верхушки до показательной юридической расправы над любимцем света Оскаром Уайльдом). А во-вторых, воспитание неофитов политического класса через закладку идеалов нового аристократизма — аристократизма жизненной формы. Фигурально, через умение есть овсянку, вызывая к себе уважение. И через внушение неофитам уверенности в том, что соблюдение политической формы отечества — необходимая часть и один из критериев жизненной формы политика».

В конечном итоге, именно историческое викторианство сумело решить задачу, заявленную ранее философией

Просвещения – реализовало на практике идею «всесловности» (точнее, надсословности, при сохранении известных статусных различий). И если во Франции борьба за сословность последовательно вылилась в революционный террор, термидор, Империю, режим Реставрации и в итоге – в установление республики (де-факто сохранившей кастовый характер), то в Англии сложился уникальный порядок, основанный на соединении аристократии и народа в некоторую общность, объединенную общей (мессианской) идеологией и ценностями.

В свою очередь, в России взаимоотношения между «людьми истины» (интеллигенцией) и «людьми жизни» (поздно и проблемно формировавшимся буржуазным классом) в течение долгого времени опосредовались государственной бюрократией (принявшей в определенный исторический период форму номенклатуры).

В России интеллигенция («люди истины»), будучи продуктом петровской модернизации, была связана (пусть зачастую и антагонистическими связями) преимущественно с государством, и существовала и развивалась автономно по отношению к «людям жизни» (протобуржуазии), испытывая к ним весьма сложные и неоднозначные чувства. Эти сложные взаимоотношения нашли свое отражение не только в социальной утопии Н.Г. Чернышевского, но и в романах Л.Н. Толстого и рассказах А.П. Чехова. Компильтивное нищестанство А.М. Горького, воспевавшего в ряде своих произведений деловитых и brutальных «людей жизни» из купеческого сословия – исключение в этом ряду.

Российская интеллигенция, испытывая комплекс социальной «неукорененности» и не имея возможности превратиться из квазисословия в полноценный класс, искала способы обретения более устойчивого социального статуса. Она последовательно пыталась «укорениться» за счет укрепления своих связей с народом (народничество – но не было воспринята идеализировавшимся ею доселе на-

родом), с государством (теория официальной народности – однако у государства в большинстве существовали собственные резоны, не совпадавшие с самопровозглашенной миссией интеллигенции), с пролетариатом (однако от имени пролетариата с ней общались объявившая себя пролетарской партия и все то же государство) и, наконец, вместе с очередной раз возрождающимся буржуазным классом (в период «радикальных рыночных реформ» 1990-х годов). Все три попытки имели неоднозначные результаты.

Рубеж XIX-XX веков в России – то самое время, когда «люди истины» и «люди жизни» переживают пик своей активности, оставаясь крайне слабо связанными друг с другом в рамках специфической модели русского капитализма. Результатом «параллельной» активности стала революция начала XX века, вдохновленная русской интеллигенцией, воспринявшей марксизм не как социальную теорию, но как замену религиозной веры. Пережив историческое крушение и пойдя на службу государству, монополизировавшему функцию представительства интересов «передового класса», российская интеллигенция продолжало о возрождении своего мессианского статуса. И подобное «возрождение», в конце концов, произошло.

Период оттепели – «революция шестидесятников» – привела к превращению части советской интеллигенции в автономное по отношению к государству квазисословие, генерировав ряд новых проектов, попытка реализовать которые на практике состоялась несколько позже.

В свою очередь, перестройка стала попыткой встречи и компромисса между «людьми жизни» и «людьми истины». Начав с идеи «социализма с человеческим лицом» и возрождения духовных ценностей, «прогрессоры» закончили апологией упрощенного экономикоцентризма и социал-дарвинизма, изрядно подорвав свой авторитет. Попутно они содействовали превращению номенклатуры из управленческого слоя в сословие (наследование статус-

ных позиций) с отдельными признаками экономического класса (собственность). Симбиоз части интеллигенции с новообразованным классом собственников приобрел весьма специфический характер, и интеллигенция всячески стремилась его закамouflировать.

Дело в том, что поддержав радикальные реформы 1990-х годов, российская интеллигенция (в известной ее части) уступила свое «первородство» «людям жизни» - возрождающемуся российскому буржуазному классу (т.н. «новым русским»). Не связанное никакими моральными и культурными нормами торжество «людей жизни» породило «великую криминальную революцию» (по терминологии С. С. Говорухина) и периферийный капитализм со всеми его известными дефектами. Идеологическая близость к торжествующим в этот период людям жизни создала у либерального «сегмента» российской интеллигенции искомое ощущение «укорененности» и одновременно – «избранности-подвижничества» в противостоянии «консервативному большинству» на стороне «прогрессивных сил». Маргинализация значительной части бывшей советской интеллигенции и ситуация социальной катастрофы для значительной части народа (утратившего свою прежнюю субъектность и переставшего интересоваться «прогрессоров») рассматривались в качестве необходимой цены не только реформ, но и платы за возможность для интеллигенции наконец-то почувствовать более или менее твердую «почву» под своими ногами.

Защита либеральных постулатов 1990-х годов рядом представителей интеллигенции (несмотря за ставшую общеизвестной социальную цену этого процесса) – выражает стремление скрыть свой фактический отказ от идейного первородства в пользу фактического «экономикоцентризма». Подобная позиция обрекает эту прослойку интеллигенции противостояние ценностям большинства, которые оцениваются ею как безусловно архаические (т.н.

«ватнические»). Однако, как представляется, дело здесь не только в ценностях. Превращение же долгое время атомизированного народа в коллективного субъекта может поставить вопрос не только о пересмотре союза интеллигенции с «людьми жизни», заключенном в 1990-е, но и об ответственности последней за складывающуюся ситуацию. Развитие событий в этом направлении грозит окончательно обнаружить квазиэлитарность российской либеральной интеллигенции. В этом случае выбор для последней неизбежно окажется весьма ограниченным – маргинализация либо подчинение «консервативному большинству», что станет для нее равноценным «моральной катастрофе».

Что остается делать в этой ситуации «людям истины» – возвращаться в интеллектуальные «катакомбы» и пытаться генерировать новую утопию, пойти на услужение государству либо попытаться найти обоснование российской версии викторианской модели («третий путь»)?

В чем же, в таком случае, может заключаться современная версия российского викторианства? На взгляд автора – в выдвигании комплексной стратегии развития, содержащей ясное понимание общего блага и интересов большинства, идею служения в связке с идеей свободы – страны, народа, личности, сообществ и коллективов, которые не следует противопоставлять друг другу.

На взгляд автора, задача России на нынешнем этапе ее развития – избежать торжества безликого и аморфного конформизма, и одновременно - преодолеть искус очеред-ной утопии и связанных с ней «простых решений», продвигаемых сегодня частью «людей истины». Избежав при этом сползания в хаос и неизбежной при этом аномии, к которой приводит безудержное торжество «людей жизни» - нового класса «приобретателей», не отягощенных социальными обязательствами и ответственностью (как уже случилось в 1990-е годы).

Для полноценного возрождения России, на взгляд автора, недостаточны укрепление государства и восставление среднего класса, произошедшие еще в «докризисные нулевые». Необходимы новая линия поведения элиты, предполагающая отказ от кастовости и корпоративизма (в пользу принципа «надсословности»), открытие социальных «лифтов» и отказ инерционной политики с возвращением к модели если не социального, то хотя бы социализированного государства. Таким образом, «русское викторианство» может стать реальностью лишь в рамках стратегии национальной модернизации – то есть модернизации не исключительно элиты (как случалось ранее), но страны, избегая всякого излишнего радикализма. По глубокому убеждению автора, перспективу будут иметь только те проекты, которые связаны с долгосрочным и некатастрофическим развитием страны в интересах большинства. Все иные проекты выглядят бесперспективными и поддержки «тихого» российского большинства не получают. Готовы ли мы к заключению нового пакта между обществом и элитой на этой основе – покажет лишь ближайшее будущее.

References

- [1] Volodikhin D. Victorian Russia // URL: <https://www.apn.ru/publications/article1425.htm>
- [2] Khachatryan L. S. Morality of Victorian England as a consequence of the “Cultural Explosion” // Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts. 2015. № 1 (63).
- [3] Rickert G. Philosophy of life. Presentation and criticism of fashionable trends in the philosophy of our time // Rickert G. *Nauki o prirode i nauki o kul'tury* [Sciences of Nature and Sciences of Culture]. — M.: Respublika, 1998.

Библиографический список

- [1] Володихин Д. Викторианская Россия // URL: <https://www.apn.ru/publications/article1425.htm>
- [2] Хачатрян Л. С. Мораль викторианской Англии как следствие «Культурного взрыва» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 1 (63).
- [3] Риккерт Г. Философия жизни. Изложение и критика модных течений философии нашего времени // Риккерт Г. *Науки о природе и науки о культуре*. — М.: Республика, 1998.

Бирюков С.В.

Доктор политических наук, профессор кафедры социальной антропологии и межкультурных коммуникаций Сибирского института управления – РАНХиГС (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск), старший научный сотрудник Центра изучения России Восточно-Китайского педагогического университета (Шанхай, КНР), профессор кафедры политологии ТГУ (Томск), профессор кафедры истории КемГМУ (Кемеровский государственный медицинский университет).

Освальд Шпенглер, викторианство и перспективы «надсословной» России

Аннотация. Освальд Шпенглер принадлежал к тому поколению, которое формировалось в тени внешне импозантных успехов «вильгельмовской эры», в тени триумфов академической немецкой науки и в то же время — в противовес этому — рано пережило воздействие только что начавшего входить в широкий оборот направления, именуемого «философия жизни». В своей философии культуры Шпенглер подверг резкой критике европоцентристский взгляд на историю как универсальный линейный прогресс. Вместо него он предложил плюралистическую и циклическую модель, согласно которой самостоятельные локальные культуры, жизненный период которых представляет собой цикл, подобный живым организмам. Творческий потенциал подобной культуры воплощает в себе его творческая элита. Автор статьи, интерпретируя наследие Шпенглера, формулирует свой вариант ответа на вопрос о том, как возможно интегрировать национальную элиту в рамки консервативного проекта. Автор предлагает свое видение того, как соединить креативность (витальность, жизненный порыв) с консервативными и устойчивыми формами культурной и общественной жизни.

Ключевые слова: культура, философия жизни, элита, консерватизм, викторианство, Шпенглер.

Biryukov S.V.

Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Social Anthropology and Intercultural Communications of the Siberian Institute of Management - RANEPa (of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk), Senior Researcher at the Center for the Study of Russia of the East China Pedagogical University (Shanghai, China), Professor of the Department of Political Science of TSU (Tomsk), Professor of the Department of History of KemSMU (Kemerovo State Medical University).

Oswald Spengler, Victorianism and the Perspectives of a «Supraclassic» Russia

Abstract. Oswald Spengler belonged to the generation that was formed in the shadow of the outwardly impressive successes of the «Wilhelmian era», in the shadow of the triumphs of academic German science, and at the same time — in contrast to this — it early experienced the impact of the direction that had just begun to enter into a wide circulation, called «philosophy of life». In his philosophy of culture, Spengler sharply criticized the Eurocentric view of history as a universal linear progress. Instead, he proposed a pluralistic and cyclical model, according to which independent local cultures whose life period is a cycle similar to living organisms. The creative potential of such a culture is embodied by its creative elite. The author of the article, interpreting the heritage of Spengler, formulates an answer to the question of how it is possible to integrate the national elite into the framework of a conservative project. The author offers his vision of how to combine creativity (vitality, vital impulse) with conservative and stable forms of cultural and social life.

Key words: culture, philosophy of life, elite, conservatism, Victorianism, Spengler.

Щупленков Н.О.

*Доцент кафедры истории,
права и общественных дисциплин Ставропольского
государственного педагогического института.*

Щупленков О.В.

*Доцент кафедры истории,
права и общественных дисциплин Ставропольского
государственного педагогического института.*

**Дискурсивная конструкция
международного терроризма***

В последние десятилетия международная безопасность была сосредоточена на борьбе с джихадистским терроризмом. Обычно это рассматривается как последнее проявление феномена международного терроризма или как последнее проявление определенного вида политического насилия, которое развивалось на протяжении десятилетий. Далее утверждается, что многие из его характеристик, такие как, например, его международный характер, зависят от современного исторического контекста и отражают новую международную динамику. Эта концепция свидетельствует о понимании насилия, отраженном в традиционной литературе, которая обычно рассматривает международный терроризм как онтологически стабильный, наблюдаемый и объективный феномен, имеющий свою историю и особенности.

Этот взгляд на международный терроризм подвергся критике со стороны самоорганизаторов и критиков дис-

* © Щупленков Н.О., Щупленков О.В., 2021.

циплины международных отношений. Это свидетельствует об их трудностях в объяснении определенных факторов, таких как, например, тот факт, что определенные виды онтологически сходного насилия не классифицируются одинаково, или невозможность прийти к стандартному и глобальному определению «международного терроризма». Именно в этом контексте возникли Критические исследования терроризма (далее – Критические исследования терроризма). CTS описали терроризм не как онтологически устойчивый феномен, а как социальную и дискурсивную конструкцию, далекую от нейтральности и реагирующую на специфическую динамику власти. Другими словами, они утверждают, что «терроризм» – это лингвистический и политический ярлык, значение которого определяется посредством дискурса, понимаемого в терминах фукокатолики. Сегодня они утверждают, что сам дискурс создает определенный вид насилия, обозначенный как «международный терроризм».

Очевидно, что оба теоретических подхода внесли важный вклад в литературу по международному терроризму и политическому насилию. Таким образом, цель этой статьи не состоит в том, чтобы опровергнуть тот или иной теоретический подход. Тем не менее, настоящая статья будет полностью посвящена постструктуралистской и критической литературе и пониманию международного терроризма. Этот текст стремится приблизиться к объекту своего изучения с дискурсивной точки зрения и его воспроизведениям в построении реальности. Таким образом, он призван дать иное и альтернативное понимание истории международного терроризма, охватив его построение как глобальную дискурсивную практику; то есть он фокусируется на дискурсах, в построении и стандартизации которых участвовало все международное сообщество. Этот анализ позволит генеалогически осмыслить значение этого насилия и его исторической эволюции, а также динами-

ку власти, определяющую его значение. Другими словами, цель состоит в том, чтобы генеалогически деконструировать международный терроризм и понять процессы его значения с точки зрения властных отношений, которые его сформировали.

CTS понимают терроризм с помощью структуралистских теорий, предложенных такими авторами, как Фердинанд Соссюр, и проводят различие между означающим – в данном конкретном случае словом – и значением – концепцией, которую это слово вызывает в нашем сознании. В этом смысле «терроризм» рассматривается как означающее, значение которого конструируется. Согласно этому течению, «терроризм» – это лингвистический ярлык, присвоение, стабилизация и применение которого происходит посредством определенных, исторически и политически обусловленных дискурсивных практик. Другими словами, термин «терроризм» – это социальная конструкция и «мы все относимся к терроризму так, как (говорим), что он есть». CTS утверждают, что терроризм не является онтологически отличным насилием от тех видов насилия, которые Галтунг классифицировал как «прямое».

Применение категории «терроризм» вписывается в теорию секьюритизации – секьюритизации на английском языке – которую выдвинули Барри Бьюзен, Олевер и другие ученые из школы критических исследований в области безопасности из Копенгагена.

Секьюритизация – это процесс, посредством которого вопрос переносится из области политики в область морали и исключительности и осуществляется посредством речевого акта. Данный процесс предполагает перемещение политики в сферу, которая находится за пределами политики, правила игры, установленные при постановке, определении или определении вопроса как угрожающего и, следовательно, как «особого» вопроса, который выходит за рамки обычной политической игры или выходит за

ее рамки и который требует исключительных политических мер.

Если интерпретировать с этой теоретической точки зрения, обозначение события или группы как «террористического» можно рассматривать как речевой акт, «речевой акт». Другими словами, дискурсивный акт, который маркирует и конструирует определенное насилие как терроризм, включает в себя действие по секьюритизации.

Если принять во внимание эти процессы, то можно понять, почему, как заметил Чарлз Тауншенд «штаты не замедлили обозначить насильственную оппозицию этим названием с его явными последствиями бесчеловечности, преступности и возможно, самое главное – отсутствие политической поддержки». Однако, от чего зависит, будут ли определенные действия квалифицированы как террористические, а другие – нет? Это политический процесс, уходящий корнями вглубь строительства идентичности.

Таким образом, субъект насилия становится субъектом терроризма, абсолютным врагом. Этот процесс определяет его деполитизацию и дегуманизацию и превращает террориста в субъект, подлежащий уничтожению из-за опасности, которую он представляет не только физически, но и теоретически и идеологически.

Переосмысливая концепции Уокера «внутри/снаружи», можно утверждать, что следствием построения этих двух категорий стало разделение глобального на две сферы. С одной стороны, внешний/внешний международный терроризм, а с другой – внутренний/внутренний, сформированный государствами, борющимися с терроризмом. Формирование восточного блока, перефразируя Бенедикта Андерсона, привело к созданию «воображаемого международного сообщества»; международное сообщество. Внутренняя часть определяется принципами биополитики, целью которых является «оживление». Напротив, внешний мир и отношения между этими двумя категори-

ями регулируются тем, что Мбембе назвал некрополитикой: политикой, которой можно позволить умереть.

Государственный разум – или, скорее, защита государственного разума – это «средство, которое оправдывает действия государства, которые считаются нарушающими моральные принципы, императивом необходимости или высшим благом самого государства». Борьба с международным терроризмом способствовала укреплению и укреплению позиций государства как на внутреннем, так и на международном уровне. Государства были созданы – и, следовательно, узаконены – в качестве субъектов, которым поручено вести борьбу с терроризмом, в рамках дискурсивного процесса, который позволил развивать и укреплять их суверенитет. Кроме того, категория международного терроризма сыграла важную роль в укреплении государственного разума, определяемого как «теория интересов государств». В рассматриваемом нами случае этими интересами было бы сохранение власти суверенного института, его монополии на силу и поддержание его легитимности; процесс, который на протяжении всей истории проходит через делегитимизацию других видов политического насилия, как описано ниже.

Именно эта динамика вызывает возникновение системного разума. Хедли Булл напоминает нам, что «общество государств само стремилось обеспечить свою преэминентность в качестве преобладающей формы политической организации (государства и общество государств), де-юре и де-факто». И именно в этом контексте Уотсон утверждает, что системный разум можно было бы определить как «[...] убеждение (государств) в том, что система [...] заслуживает того, чтобы функционировать». Иными словами, государства не только считают систему полезной, но и чувствуют необходимость защищать ее, потому что система позволяет им развиваться как суверенным единицам на законных основаниях.

В рамках этой динамики система создает общую идентичность международного сообщества, чтобы узаконить систему и ее поддержание. Эта идентичность формируется главным образом вокруг властных отношений, составляющих международную сферу, представленных здесь как основание государства, системы и цивилизации. Международное сообщество становится той категорией, которая создает эту общую идентичность, легитимируя систему суверенных государств. Однако это прежде всего дискурсивная идентичность, которая строится в соответствии с вышеупомянутыми принципами формирования идентичности.

Точно так же, поскольку «международное общество европейских государств [...] в процессе своего расширения добавило неевропейских членов и стало рассматриваться в более широком смысле как общество» цивилизованных «государств», международное сообщество постепенно охватывает все государства, участвующие в борьбе с терроризмом, хотя и с определенными стратегиями, как будет описано в историческом разделе ниже.

В этом смысле современную стадию, на которой международное сообщество – евро/западноцентричное – встречается, можно интерпретировать как еще одну веху в том, что до сих пор было руководящей моделью: стандартом цивилизации. Перенос конфликта в бинарные категории борьбы добра со злом и цивилизации с варварами можно интерпретировать как (предполагаемую) современную версию логики, которая руководила завоеваниями других частей мира, а также вытекающим из этого распределением власти на международном уровне.

Утверждается, что и государственное, и системное, и децивилизационное мышление – это три уровня власти, которым идеологически противостоит международный терроризм. Другими словами, это те элементы, с помощью которых международному сообществу необходимо было

деполитизировать с глобального уровня неопределенный тип насилия посредством применения ярлыка международного терроризма. Таковы отношения власти, которые исторически сформировали борьбу с международным терроризмом. Эти три причины можно интерпретировать как центральные в построении идентичности международного сообщества. Таким образом, они представляют характеристики, которые были воплощены в стандартизированных глобальных дискурсах об определенном типе насилия, понимаемом как вызов его гегемонии; еще один продуктивный для всего международного сообщества. Исторически сложилось так, что три десятилетия, в течение которых развивались эти дискурсы, – это то, что будет более подробно рассмотрено в следующем разделе.

Кроме того, формирование этих дискурсов будет проанализировано с помощью теоретической основы, которую мы описывали в предыдущих разделах. Здесь подразумевается, что эти исторически сформировавшиеся формирования на глобальном уровне соответствовали потребности международного сообщества создать абсолютного врага из-за проблем, которые это насилие создавало для идентичности сообщества международного права или из-за того, что это бросило вызов легитимности всех трех причин.

Кроме того, следует подчеркнуть, что референта этого термина – террориста – Носе рассматривали просто как самостоятельную фигуру. Напротив, это воспринималось как «протянутая рука (ревизионистского) государства». Таким образом, дискурс трактовал международный терроризм как насилие, цель которого заключалась в переосмотре и изменении международного порядка, то есть существующих отношений власти. Тогда было понятно, что этот вид насилия имеет политическую составляющую, с которой он может быть связан более или менее напрямую, с государствами, которые не только считали себя жертва-

ми этого насилия, но и могли быть его виновниками.

Хотя государство только начинало становиться центральной единицей, международная система по-прежнему основывалась на сосуществовании *Moderna* и империй. По этой причине недоверие определяло международные отношения того времени, и глобальное было основано на хрупком равновесии, которое было очень нестабильным с точки зрения стабильности, но которое, несмотря на его хрупкость, должно было быть преодолено, чтобы обеспечить его выживание. Следовательно, ревизионистское государство должно было быть делегитимизировано и демонизировано, чтобы его можно было изгнать «наружу» и чтобы оно могло придать легитимность новой модели организации общества. С другой стороны, эта стратегия преследовала двоякую цель: посредством создания этого террористического сообщества международное сообщество могло быть создано и сплочено «изнутри».

Второй стандартизированный на международном уровне дискурс был разработан в семидесятые годы двадцатого века. Катализирующими событиями в этом деле стали убийство 28 человек в израильском аэропорту Лод в 1972 году и убийство 11 израильских спортсменов на олимпийских играх в Мюнхене в том же году палестинским спецназом в Черном сентябре. Здесь также демонстрация терактов сыграла центральную роль в стимулировании и последующей стандартизации дискурса. Международная пресса, занятая освещением Олимпийских игр, транслировала теракты в прямом эфире, и аудитория событий достигла 13% от общей численности населения мира того времени. Развитие этого дискурса отражает социально-политический и исторический контекст. международного сообщества: с одной стороны, глобальный контекст холодной войны и, с другой стороны, процессы деколонизации, среди которых особое влияние оказала зависимость африканских государств. В этом смысле мир разделился

на два блока: провозглашенный «западный мир» – государства/империи – колонизаторы – с одной стороны, и, с другой стороны, советский блок и нации, не входящие в него государства, которые были колонизированы. Были сформулированы два противоположных дискурса, отражающих эту динамику, с целью обозначения международного терроризма.

С одной стороны, дискурс, созданный самопровозглашенным «западным миром», рассматривал терроризм как насилие со стороны негосударственных субъектов, которые зависят от помощи более могущественных государств и действия которых осуществляются в соответствии с указаниями конкретного правительства. Другими словами, «терроризм» – это насилие национально-освободительных движений, направленное против государства-угнетателя и колонизатора посредством нападений как внутри страны, так и на ее колониальных границах. В последовавшей речи терроризм был описан как экзистенциальная опасность и угроза международной системе, какой она была известна, что отражает динамику деконструкции абсолютного врага международного сообщества, состоящего из суверенные государства.

С другой стороны, процесс, начатый колонизированными государствами и теми, кто достиг политической независимости, при поддержке советского блока, представляет серьезные дискурсивные различия. Эти страны в большинстве своем приняли ярлык «террорист», чтобы идентифицировать себя с борьбой, которую они вели. Однако, чтобы сохранить легитимность оправданного насилия, они сосредоточили внимание на цели, которую эти средства хотели достичь. Другими словами, эти страны утверждали, что существует несколько «первопричин» – коренных причин, вызывающих это насилие. Таким образом, основное внимание уделялось процессам колонизации и насильственного подавления национально-ос-

вободительных движений. Они изображали насилие со стороны правительств колониальных империй как международный терроризм. В этой связи Дитрих отмечает, что Западные государства не отвергали эту ассоциацию, а защищали свое насилие, полагаясь, например, на пропорциональность своих ответов на эскалацию насилия.

В целом, построение международного терроризма в эту эпоху представляло собой двойственную конструкцию: для западных государств террорист был негосударственным субъектом; в то время как для бывших колонизированных территорий террористическое насилие понималось как насилие, которое колониальное государство использовало для подавления зависимости колонизированных народов. Обе конструкции помешали ему создать единую и универсальную идентичную категорию «международного сообщества». Действительно, с одной стороны, был построен западный мир или развитые страны, в то время как с другой – часть новых независимых государств сформировала самобытность, и оба повествования были взаимоисключающими и четко дифференцированными. Тем не менее, обе конструкции связаны с тремя вышеупомянутыми причинами, поскольку борьба за маркировку действующих лиц и построение повествований разворачивалась вокруг законности или неприменения силы на международной арене, а также определения цивилизованного или варварско-нецивилизованного. Кроме того, следует отметить, что, хотя и в незначительной степени, терроризм по-прежнему рассматривался как политическая стратегия, поскольку он поддерживал прямые отношения с государством.

Дискурсивная конструкция международного терроризма в эти годы была ключевой для поддержания ГСТ. В этом контексте международное сообщество было основано на устоявшейся расстановке сил; международная система, построенная на национальных государствах, сумела

навязать себя, свои нормы и свои притязания на универсальность. Такое соотношение сил заложило основу для возникновения нового, глобально стандартизированного дискурса, который, с одной стороны, создает международный терроризм, но, с другой стороны, также является составной частью международного сообщества.

Как и в предыдущие эпохи, дискурс основан на фундаментальных конструкциях, основанных на концепциях цивилизации/варварства; порядка/хаоса; политического/уголовного. Однако новым элементом было то, что в эти годы «...дискурс строился как» международный терроризм «насилие, развязанное негосударственными группами, сформировавшимися вокруг исламской идентичности». Другими словами, дискурс был сосредоточен, прежде всего, на насилии, совершаемом негосударственными субъектами, такими как, например, «Аль-Каида», и в нем международный терроризм был назван исламским. Таким образом, GCT сосредоточила свое внимание на этих группах, виновных в политическом насилии на международном уровне.

Таблица 1. Схема различных глобальных значений термина «международный терроризм».

Эпоха	Событие-катализатор	Кристаллизация речи
1930-е	Убийство короля Югославии Александра I, министра иностранных дел Франции и двух стажеров во Франции в 1934 году. Проводится членами OIRM.	Возникновение и кристаллизация дискурса о международном терроризме, типе насилия, который осуществляется в ревизионистских целях негосударственными или государственными субъектами, которые хотят изменить баланс сил, формирующий международную систему.

1970-е	Убийство 28 человек в израильском аэропорту Лод и убийство 11 израильских спортсменов на Олимпийских играх в Мюнхене в 1972 году. Осуществлено палестинским командованием Черного сентября.	Конкуренция между дискурсом Первого мира и дискурсом Третьего мира. Первый мир: международный терроризм интерпретируется как насилие национально-освободительных движений, направивших свое насилие против колониального государства. Третий мир: Международный терроризм интерпретируется как насилие со стороны государств-колонизаторов.
2000-е	Теракты 11 сентября 2001 г., совершенные путем угона коммерческих самолетов, нанесли удары по стратегическим целям, таким как, в частности, Пентагон и башни-близнецы. Они стали причиной смерти 3016 человек. Совершено джихадистской сетью «Аль-Каида».	Основное внимание в выступлении уделяется насилию со стороны исламских негосударственных групп, действующих на международном уровне, которые хотят изменить баланс сил, формирующий международную систему.

Источник: собственное производство на основе Ditarych, Brulin, Thorup и Martini.

Таким образом, в наше время создается международное сообщество, которое борется против международного исламского терроризма; политическое насилие, которое предполагает игнорирование трех гегемонистских причин, составляющих его идентичность. Формальный дискурс вписывает эту борьбу с международным терроризмом

в динамику социально-политического контекста войны с террором. Таким образом, как и в предыдущие эпохи, дискуссия возвращается к формированию категорий вокруг внутренней биополитики и внешней некрополитики, где это насилие деполитизируется и абсолютный враг уничтожается, понимая это насилие как вызов государственному разуму, системному разуму и разуму цивилизации.

Статья призвана дать представление о динамике власти, которая вступает в игру при различении актов и субъектов политического насилия, поддержании властных отношений и иерархий, формирующих международный порядок. Таким образом, возникло понимание, которое выходит за рамки политических интересов, связанных с обозначением насилия как «террористический». Однако мы не хотим здесь отрицать ту роль, которую другие политические элементы и материальные интересы могли сыграть в развитии обсуждаемых здесь споров. Если представленное понимание позволит в общих чертах отразить динамику власти, исторически лежащую в основе формирования этих дискурсов, то в качестве будущего направления исследований будет открыта возможность объединения идеологических и материальных элементов с целью разработки более целостной основы для проведения такого рода анализа.

References

- [1] Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*, London and New York, Verso, 1983.
- [2] Austin J.L. *How to do Things with Words*, Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press, 1962.
- [3] Brulin R. Defining Terrorism: The 1972 General Assembly debates on 'international terrorism' and their coverage by the New York Times // Banu Baybars-Hawks & Lami Baruh, eds., *If it was not for Terrorism: Crisis, Compromise, and Elite discourse in the Age of War on Terror*, Cambridge, Cambridge Scholar Press, 2011. P. 12-30.
- [4] Bryan D.A. *Landscape of Meaning: Constructing Understandings of Political Violence from the Broken Paradigm of "Terrorism"* // Richard Jackson & Samuel Justin Sinclair, eds., *Contemporary Debates on Terrorism*, New York, Taylor and Francis, 2012. P. 17-24.
- [5] Bull H. *The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics*, New York, Columbia University Press, 1977.

- [6] Buzan B. et al. *Security: A New Framework for Analysis*, London, Lynne Rienner Publishers, 1998.
- [7] Ditrych O. International terrorism in the League of Nations and the contemporary terrorism dispositive // *Critical Studies on Terrorism*, [online], 2013. № 6 (2). P. 225-240.
- [8] Ditrych O. From discourse to dispositif: States and terrorism between Marseille and 9/11 // *Security Dialogue*, 2013. 44 (3). P. 223-240.
- [9] Galtung J. Violence, Peace and Peace Research // *Journal of Peace Research*, 1969. № 6 (3). P. 167-191.
- [10] Heath-Kelly C. Post-structuralism and constructivism // Richard Jackson (ed.) *Routledge Handbook of Critical Terrorism Studies*, London and New York, Routledge, 2016. P. 60-69.
- [11] Herschinger E. A Battlefield of Meanings: The Struggle for Identity in the UN Debates on a Definition of International Terrorism // *Terrorism and Political Violence*, [Online] (2013). № 25 (2). P. 183-201.
- [12] Jackson R. *Terrorism: A Critical Introduction*, New York, Palgrave Macmillan, 2011.
- [13] Jackson R. Constructing Enemies: 'Islamic Terrorism' in Political and Academic Discourse // *Government and Opposition*, [Online], 2007. № 42 (3). P. 394-426.
- [14] Jackson R. *Writing the War on Terrorism. Language, Politics and Counter-terrorism*, Manchester, Manchester University Press, 2005.
- [15] Kiras J.D. Terrorism and globalization // John Baylis et al. (eds.) *The globalization of world politics: an introduction to international relations*, Oxford, United Kingdom, New York, Oxford University Press, 2011. P. 364-378.
- [16] Martini A. On international barbarians and global civilisations. A Critical Discourse Analysis of the evolution of the Security Council's fight against international terrorism, Pisa, Italy, Sant'Anna School of Advanced Studies, 2019.
- [17] Martini A. The Construction of the Discourse on "Terrorism" // *Politikon: the IAPSS Journal of Political Science*, 2016. 30. P. 92-105.
- [18] Mbembe A. Necropolitics // *Public Culture*, 2003. № 15 (1). P. 11-40.
- [19] Meinke F. *La idea de la razón de estado en la edad contemporánea*, Madrid, Centro de Estudios Constitucionales, 1983.
- [20] Onuf N.G. Making Terrorism // *International Relations*, 2009. № 23. P. 53-60.
- [21] Peñas Esteban F.J. *Occidentalización, fin de la Guerra Fría y relaciones internacionales*, Madrid, Alianza Editorial, 1997.
- [22] Peñas Esteban F.J. *Estándar de civilización: las historias de las relaciones internacionales* // *Revista Jurídica Universidad Autónoma de Madrid*, 1999. № 1 (0). P. 84-117.
- [23] Rapoport D. The Four Waves Modern Terrorism // Cronin & Ludes (eds.) *Attacking terrorism: elements of a grand strategy*, Washington D.C., Georgetown University Press, (2004). P. 46-73.
- [24] Spencer A. *The Tabloid Terrorist: The Predicative Construction of New Terrorism in the Media*, New York, Palgrave Macmillan, 2010.
- [25] Thorup M. *An intellectual history of Terror* // *War, violence and the state*, Abingdon and New York, Routledge, 2010.
- [26] Townshend C. *Terrorism: a Very Short Introduction*, Oxford and New York, Oxford University Press, 2011.
- [27] Walker R.B.J. *Inside/Outside: International Relations as Political Theory*, New York, Cambridge University Press, 1993.
- [28] Zulaika J., Douglass W.A. *Terror and Taboo: The Follies, Fables, and Faces of Terrorism*, London and New York, Routledge, 1996.

Щупленков Н.О.

Доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин Ставропольского государственного педагогического института.

Щупленков О.В.

Доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин Ставропольского государственного педагогического института.

Дискурсивная конструкция международного терроризма

Аннотация. В настоящей статье сделан теоретико-дискурсивный подход к концепции международного терроризма. Во-первых, выдвинуты основные теоретические постулаты критического и конструктивистского подходов в международных отношениях к изучению международного терроризма как дискурсивной социальной конструкции. Во-вторых, описаны властные отношения – три причины-которые формируют международную систему и как они определяют формирование сущности международного сообщества. Наконец, была проанализирована разработка стандартизированных глобальных дискурсов по международному терроризму. Они были связаны с динамикой власти, которая составляет международную сферу. Утверждалось, что исторически политическое насилие, которое бросало вызов этим причинам, было дискурсивно сконструировано как «международный терроризм». Этот процесс был направлен на деполитизацию вызовов этого насилия гегемонии, универсальности и легитимности международного сообщества.

Ключевые слова: дискурс, международный терроризм, секьюритизация, государство, глобализм, цивилизация, разум.

Shuplenkov N.O.

Associate Professor of the Department of history, law and social Sciences of the Stavropol state pedagogical Institute.

Shuplenkov O.V.

Associate Professor of the Department of history, law and social Sciences of the Stavropol state pedagogical Institute.

The discursive construction of international terrorism

Abstract. In this article, a theoretical and discursive approach to the concept of international terrorism is made. Firstly, he put forward the main theoretical postulates of the critical and constructivist approaches in international relations to the study of international terrorism as a discursive social construct. Secondly, he described the power relations – three reasons - that shape the international system and how they determine the formation of the essence of the international community. Finally, the development of standardized global discourses on international terrorism was analyzed. They were connected with the dynamics of power, which makes up the international sphere. It has been argued that historically, political violence that challenged these causes was discursively constructed as «international terrorism». This process was aimed at depoliticizing the challenges of this violence to the hegemony, universality and legitimacy of the international community.

Key words: discourse, international terrorism, securitization, state, globalism, civilization, reason.

Болтенкова Л.Ф.

Доктор юридических наук, профессор. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Некоторые теоретические аспекты сущности тоталитаризма*

Понятие тоталитаризма на сегодняшний день - одно из самых спорных в современной науке, имеет многосложный характер и признаки, общие для некоторых его типов. Тоталитаризм – один из видов политического режима, при котором государство осуществляет контроль над любыми проявлениями общественной жизни, отсутствием конституционных свобод и прав как у отдельных граждан, так и у всего общества в целом [3].

При тоталитаризме происходит внедрение диктата единой идеологии во все слои общественной жизни. Любое проявление инакомыслия или оппозиционная деятельность тут же подавляется жёсткими полицейскими методами, иногда переходящими в открытый террор. Вся государственная власть концентрируется в руках единственного лица, а парламент, выборы, не имеют политической власти, носят чисто декоративную роль, как и прочие институты необходимые для поддержания демократии. Все Средства Массовой Коммуникации находятся под контролем государства и действуют только в разрешённом русле.

Если социальная жизнь находится под полным контро-

* © Болтенкова Л.Ф., 2021.

лем государственной власти, то такая государственная система признаётся тоталитарной. Тоталитаризм является не только режимом политической власти, но и предполагает сложившийся тип политической системы.

Современной науке доступны для изучения определённые типы тоталитаризма: государственный социализм, коммунизм, нацизм, фашизм и мусульманский фундаментализм. Любой тоталитарный тип государства стремится к тому, чтобы как можно быстрее достичь неограниченной власти с целью получения постоянного и всеобъемлющего контроля над всеми сторонами деятельности социума, включая такие сферы как любое образование, частную собственность, социальные и индивидуальные отношения, в том числе и семейные, религию и даже спортивные организации.

Понятие тоталитаризма на сегодняшний день - одно из самых спорных в современной науке. Одни говорят о том, что тоталитаризм является типом государства, политической властью и диктатурой, другие принимают тоталитаризм за общественно-политическом строй. Третьи признают его в качестве социальной системы, постоянно регулирующей всю общественную и политическую жизнь.

Одной из важнейших черт тоталитаризма является всеобъемлющий контроль над жизнью населения, постоянное использование насилия и угроз. Понятие тоталитаризма как «политический режим» явно недостаточно, для описания всех его функций.

Самой большой предпосылкой, сделавшей возможным появления тоталитаризма, стала индустриализация общества. При развитии Систем Массовых Коммуникаций (СМК) любые общественные связи стали более динамичными; проводить идеологическую работу, воздействие на массовое сознание, в том числе политическое властям с помощью новых технологий стало намного проще. Благодаря монополии контролирующих СМК тотальная стадия

«промывание мозгов», ведущая к полному контролю над личностью, была достигнута. Во времена тоталитаризма появились монополии на целые промышленные отрасли и корпорации, которые тесно сотрудничали с представителями государства. Народные массы были введены в заблуждение о скором возможном переходе к более рационально организованному государству и обществу. Предполагалось повысить благосостояние населения вместе с успешным развитием образования, просвещения, науки, технологий, а организовать весь этот процесс предполагалось тоталитарной власти. В начале подобного народ охотно верил в счастливое будущее и широко поддерживал идеи тоталитарных режимов и как следствие провозглашались мнимые моральные ценности и обещания возможностей.

Тоталитарные государства не призывали к уничтожению всех ценностей человека, его духовной жизни и физическое здоровья, но при этом эти возможности предоставлялись для людей согласных с действующим режимом, остальные люди имели ограничения в своих возможностях, вплоть до лишения свободы и физического истребления. Изначально предполагалось, что тоталитарный режим обеспечит и воплотит стремление всех людей к счастью, но результат не заставил себя долго ждать, как высказывали теоретики, «Тоталитаризм увлекает людей верой в революционную необходимость, которая дает им ощущение своей правоты и своего права на насилие» [2, с. 125].

Тоталитаризм имеет многосложный характер и признаки, общие для всех его типов. В пятидесятых годах двадцатого века, некоторыми западными учёными и политиками западной демократии были предприняты попытки высчитать признаки некоторых тоталитарных режимов.

Общие признаки тоталитарных режимов [1]:

- обязательное наличие единственной массовой пар-

тии, во главе которой стоит лидер в лице вождя;

- господствующая в обществе идеология, не подлежащая критике, националистическая, классовая, расовая;

- монополия на любые Средства Массовой Коммуникации;

- монополия на контроль над армией и вооружёнными силами;

- система полицейского контроля, иногда действующая террористическими методами;

- плановая, централизованная система контроля и управления экономикой; наращивание милитаризации страны;

- образ внешнего врага.

Большинство тоталитарных режимов являются приверженцами экспансионизма, осуществляя постоянный контроль над отправлением правосудия. При тоталитаризме поощрялась установка на стирание всех границ между государством, социумом и индивидом, что шло по пути стирания границ между социальными классами. Все служат лидеру (вождю) режима и были ответственны перед ним, а единственная «номенклатура» в тоталитарном государстве — это вождь, ограниченное число его приближенных, а также сотрудники силовых, «карательных» органов. Реальная номенклатура образует закрытую касту, которая способна на сопротивление.

Номенклатура порождает «демократию для немногих»

- своеобразную коллективную власть с такими правами, как право на неприкосновенность и возможность воздействовать на законодательство. Подобная номенклатура являлась базой для функционирования авторитарного оружия. Номенклатурно-чиновничий аппарат при таком режиме представляет из себя открытую структуру, в которую легко мог войти любой человек. Подобная непрерывная ротация препятствовала образованию кланов и группировок, которые могли бы сменить действующего

вождя. Подобная открытая система «номенклатуры» не имела реальной власти при тоталитарном режиме, а лишь исполняла «указы», спускаемые с вершины власти.

Ни один тоталитарный режим не способен обходиться без идеологии, которая является основным признаком наличия в государстве тоталитарной власти. Зачастую идеология носит мессианский характер, при этом главную роль Мессии возложена на лидера (вождя) государства и только лидер (вождь) наделён правом толковать истину своему подвластному народу.

Для идеологии очень важен образ врага, как внешнего, так и внутреннего, для их устранения возможны действия любого характера, в том числе насильственного характера.

При тоталитаризме происходит замена «общественного мнения» политическими оценками, исходящими от государства. Всё подчиняется провозглашённой идеологии, все средства пускаются для её достижения.

Для того, чтобы тоталитарное государство развивалось, ему необходима вертикально интегрированная, замкнутая на органы государственного управления структура экономики [4]. Однако, для тоталитаризма отсутствие единой теории является нормой, и наука не нашла абсолютно общих его признаков. Для каждого тоталитарного государства есть признаки, характерные именно для него.

Сущность тоталитаризма заключается в желании управлять всеми сферами жизни людей, это всеохватывающее управление осуществляется благодаря специальной системе управления. Тоталитарный режим, по большому счету, не является ни правовым, ни государственным, потому что это строй, при котором не существует субъектов права, а законы не соблюдаются.

Подведем итоги:

Тоталитаризм — это политический режим, характеризующийся абсолютным контролем государства над

жизнью общества и личностью. Он основывается на идеологии, которая проникает во все сферы жизни, и на насильственном подавлении любых проявлений неподчинения или независимости. Основными признаками тоталитаризма являются:

1. Абсолютная власть. В тоталитарном режиме власть сосредоточена в руках одной партии или одного лидера, который имеет неограниченные полномочия и контролирует все сферы жизни общества.

2. Идеология. Тоталитарный режим строится на идеологии, которая проникает во все сферы жизни и определяет все аспекты общественной жизни.

3. Контроль над информацией. Тоталитарный режим контролирует все средства массовой информации и ограничивает свободу слова и свободу печати.

4. Насильственное подавление оппозиции. Тоталитарный режим преследует и подавляет любые проявления независимости и неподчинения, используя полицию, армию и другие силовые структуры.

5. Культ личности. Тоталитарный режим создает культ личности вокруг лидера, который выступает как символ идеологии и абсолютной власти.

6. Коллективизм. Тоталитарный режим стремится к полному контролю над обществом и подавлению индивидуальности, поэтому он настаивает на коллективизме и отрицает право на личную свободу и независимость.

7. Использование террора. Тоталитарный режим использует террор как средство подавления оппозиции и устрашения населения. Репрессии, тюрьмы, лагеря и казни становятся обычным явлением в тоталитарном режиме.

8. Контроль над экономикой. Тоталитарный режим контролирует экономику и распределяет ресурсы в соответствии с идеологическими целями.

9. Система пропаганды. Тоталитарный режим использует систему пропаганды для формирования обществен-

ного мнения и убеждения населения в правильности идеологии.

10. Контроль над личной жизнью. Тоталитарный режим контролирует личную жизнь граждан, включая их религиозные и культурные убеждения, и налагает ограничения на свободу передвижения и свободу выбора.

Тоталитаризм является одним из наиболее жестоких и подавляющих политических режимов, который уничтожает индивидуальность и свободу личности во имя идеологии и абсолютной власти.

References

- [1] Makarova O.S. Formal signs of totalitarianism - their positive and negative definitions
- [2] Darensky V.Yu. Totalitarianism as an existential phenomenon // Humanitarian vector. 2014. № 3 (39). P. 122-129.
- [3] Mamedov A.A., Orishev A.B. Totalitarianism: interpretations of the past and present // Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts. 2014. № 2 (58). P. 108-115.
- 4. Khavaji D.R. On the question of the relationship between economics, law and politics // Eurasian legal journal. 2021. № 2 (153). P. 394-395.

Библиографический список

- [1] Макарова О.С. Формальные признаки тоталитаризма - их позитивное и негативное определение // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formalnye-priznaki-totalitarizma-ih-pozitivnoe-i-negativnoe-opredelenie>.
- [2] Даренский В.Ю. Тоталитаризм как экзистенциальный феномен // Гуманитарный вектор. 2014. № 3 (39). С. 122-129.
- [3] Мамедов А.А., Оришев А.Б. Тоталитаризм: трактовки прошлого и настоящего // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 2 (58). С. 108-115.
- 4. Хаваджи Д.Р. К вопросу о соотношении экономики, права и политики // Евразийский юридический журнал. 2021. № 2 (153). С. 394-395.

Болтенкова Л.Ф.

Доктор юридических наук, профессор. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Некоторые теоретические аспекты сущности тоталитаризма

Аннотация. Понятие тоталитаризма на сегодняшний день - одно из самых спорных в современной науке, имеет много-сложный характер и признаки, общие для некоторых его типов. В статье рассмотрено некоторые вопросы сущности тоталитаризма и выделены основные его признаки.

Тоталитаризм — это политический режим, характеризующийся абсолютным контролем государства над жизнью общества и личностью. Он основывается на идеологии, которая проникает во все сферы жизни, и на насильственном подавлении любых проявлений неподчинения или независимости.

Ключевые слова: политический режим, идеология, нацизм, социализм, общественно-политический строй, тоталитарный режим.

Boltenkova L.F.

Doctor of Legal Sciences, Professor of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

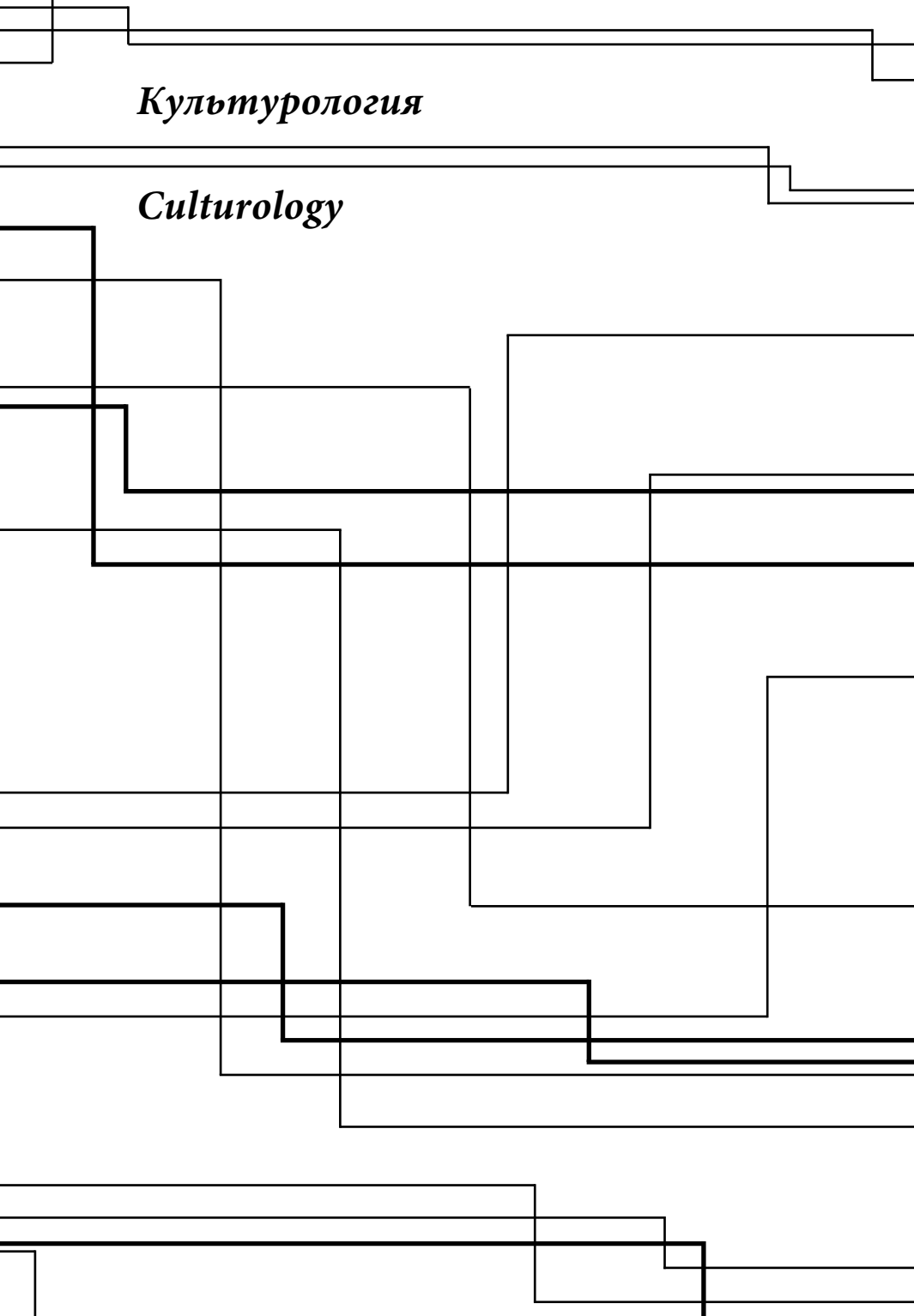
Totalitarianism: the essence and signs

Abstract. Totalitarianism is a political regime characterized by the absolute control of the state over the life of society and the individual. It is based on an ideology that penetrates into all spheres of life, and on the violent suppression of any manifestations of insubordination or independence. The term totalitarianism appeared in the twenties of the last century, after the famous events of 2017 in Russia. The concept of totalitarianism today is one of the most controversial in modern science, has a multi-complex character and features common to all its types. The article examines the concept of totalitarianism and highlights its main features.

Key words: political regime, ideology, Nazism, socialism, socio-political system, totalitarian regime.

Культурология

Culturology

An abstract graphic design featuring a series of overlapping black rectangles of various sizes and orientations. The rectangles are arranged in a way that creates a sense of depth and movement, with some appearing to be in front of others. The overall effect is a complex, layered geometric pattern that fills the background of the page.

Чебодаева М.П.

Кандидат искусствоведения, научный сотрудник, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, член АИС (г. Абакан).

**К иконографии образа утки-лебедя
в изобразительном и декоративном
искусстве Хакасско-Минусинской котловины
(VII в. до н. э. - XII вв.)***

Образ водоплавающих птиц был широко известен в декоративном искусстве с древности. Об этом свидетельствуют находки найденные в различное время по всей территории бывшего СССР –это серебряный сосуд из кургана Куль-оба (Крым), серебряная чаша с горизонтальными ручками из Чмыревой могилы (Украина), серебряной ритон из Карагодеуашха (Краснодарский край) о которых писали в многочисленных публикациях российские ученые. Изучением образа водоплавающих птиц утки и лебедя, занимались ученые Д.С. Раевский (Москва), М.А. Дэвлет (Москва), М.П. Завитухина (Ленинград), М.И. Боргояков (Абакан), Д.В. Черемисин (Новосибирск), В.Д. Кубарев (Новосибирск), А.И. Мартынов (Кемерово) и В.Ю. Чигаева (Кемерово), Г.Г. Король (Москва) и др.

В Хакасско-Минусинской котловине образ водоплавающей птицы был известен с эпохи бронзы, а именно с тагарской археологической культуры (VII –III вв. до н. э.), которая была распространена на обширной территории в

* © Чебодаева М.П., 2021.

К иконографии образа утки-лебедя в изобразительном и декоративном искусстве Хакасско-Минусинской котловины (VII в. до н. э. - XII вв.)

Республике Хакасия, южных районах Красноярского края и северо-восточной части Кемеровской области. В Хакасско-Минусинской котловине образ утки-лебедя встречается в петроглифах и в художественной обработке металла (навершие жезла вождя и зажимы для кистей сбруи или игольников).

В 1972 г. исследователь древнего искусства Д.С. Раевский писал, что изображения водоплавающих птиц, свидетельствуют об устойчивости этого символа в скифском искусстве следующее: «Сопоставление различных источников привело автора к выводу, что в древней мифологии Ирана и особенно Индии наблюдается стабильное противопоставление двух образов: хищной птицы (орла, сокола) или орлиноголового грифона и водоплавающей птицы (утки, гуся). Первый образ символизирует высший, потусторонний мир, а второй служит олицетворение мира земного, смертного» [7, с. 64].

В 1950-гг. из окрестностей с. Бея Хакасской автономной области археологом А.Н. Липским была вывезена в Хакасский краеведческий музей каменная стела с сюжетом из древней скифо-тагарской мифологии изображением утки. В Бейской стеле на двух противоположных боковых сторонах в точечной технике выбиты изображения животных, птиц и тамгообразных знаков. К большой радости исследователей древнего искусства, гравировка на камне оказалась долговечной и хорошо сохранившейся - один из немногих раритетов такого типа, которая пережила не одно тысячелетие. Следует при этом отметить, что ценность произведения искусства обусловлена не только его уникальностью, но нужно подчеркнуть и исключительный реализм в изображении животных и птиц. В простой на первый взгляд композиции содержится мифологический сюжет о сотворении мира из скифо-тагарской мифологии.

На одной грани стелы в верхней ее части – изображен ворон (бог Эрлик?) с раскрытым клювом, два ниже неяс-

ных и непонятных изображения, под ними пять контурных фигур оленей (бог Солнца) с ветвистыми рогами.

На второй стеле рисунки выполнены менее четко, чем на противоположной грани, где в верхней части представлены две контурные фигурки оленей, обращенных головами в противоположные стороны со спиралевидными вихреобразными завитками на туловищах и ветвистыми рогами. Ниже находится силуэтное изображение жертвенной лошади с подогнутыми под брюхо передними ногами, задняя половина ее туловища вывернута, как бы вывихнута. Под лошадью в ряд располагаются три фигуры лунорогих быков (Бог Луны?) со скоплением точек в центре серпа рогов. В нижней части плоскости выбиты контурные изображения оленя (бог Солнца) и водоплавающей птицы-утки (богиня Умай). В задней части корпуса оленя (бог Солнца), внутри контура, помещается яйцо, а в яйце еще не вылупившийся птенец. В передней части туловища оленя в скелетном стиле изображена утка (богиня Умай).

На обеих гранях стелы неизвестный художник композиционно разместил фигуры животных и птиц при этом в то же время ему удалось избежать монотонности благодаря подчеркиванию контрастов между двумя гранями стелы с птицами: у одних головы подняты, а у других опущены, у некоторых птиц тщательно выписано разное оперение. Следует обратить внимание на точность в передаче таких мелких деталей. Но вся картина рождения мира созданная автором весьма гармонична: очертания ворона и утки, оленей, быков и коня и отличается реализмом. Возможно, неизвестный художник в данном произведении попытался изобразить нам два мира Верхний и Нижний, в Верхнем где обитает утка-Умай и Нижний мир, где обитает ворон- Эрлик.

Давая оценку Бейской стеле московский археолог М.Д. Дэвлет писала: «Представляется, что на Бейской стеле нашел графическое отражение мифологический сюжет

не дошедший до наших дней, но когда-то бытовавший в местной среде. Бытовавшая в древнем обществе мифологическая система представлений о мироздании, строевании космоса содержит глубокий философский подтекст. Композиционные схемы, запечатленные на Бейской стеле, могут гипотетически интерпретироваться как космогонический миф, миф о сотворении селенной, выраженный символическим языком в зримых образах» [3, с. 90].

Изображенная утка на Бейской стеле в хакасской мифологии олицетворяла сотворение мира, которое произошло от утки и о чем записал в XIX в. известный ученый Н.Ф. Катанов. 2 июня 1890 г. Н.Ф. Катанов в улусе Архипов Минусинского уезда, расположенного на правом берегу р. Камышта в 25 км от с. Аскиза ученый записал легенду о сотворении мира у качинцев, где рассказывается, что мир был сотворен двумя утками. Данный миф можно датировать скифо-тагарский временем, когда в мифологии и искусстве на первый план выходят зооморфные образы. Сказка начинается с диалога двух уток. Одна из них посылает другую за песком на дно реки. Тот песок, который первая утка получила от второй, она толчет колотушкой 9 дней, и в результате получается земля. Песок, который посыльная утка сохранила у себя, превратился в высокие горы. В наказание за утайку первая утка не дала ей земли для проживания. Провинившаяся утка, все-таки выпросила землю размер со след трости, проткнула землю и ушла в отверстие. Так они разграничили места обитания и сферы влияния. Далее первая утка сотворила из земли человека (мужчину), а из его ребра – женщину, дала им скот и хлеб.

Другой образ утки в тагарской культуре был связан с художественной обработкой металла. Среди предметов тагарской культуры (VII – III вв. до н. э.), выделяется бронзовое навершие вождя с литой фигуркой утки, которое по-видимому было предметом тагарского культа. Мы

сразу узнаем в отлитой из бронзы фигурке уточку. Скульптура решена скупыми и лаконичными средствами: объемная, отлитая фигура птицы изображена не плывущей, а стоящей. Мастер дал ей широкую и плавную линию груди, тонкую и длинную шею, на которой мы видим изящную головку с характерным плоским клювом. Фигурка птицы несколько растянута, что это придает ей устойчивость. В облике утки много величавости и спокойствия, она воспринимается живой, полной внутренней жизни, характеризуется реалистичностью и точностью в изображении. Перед нами удивительно монументальное, одновременно и декоративное произведение искусства, отражающее основные особенности тагарского художественного стиля.

Сотрудница Государственного Эрмитажа, специалистка в области тагарского искусства М.П. Завитухина отметила популярность изображения в художественной обработке металла образа птицы следующее: «В составе образов тагарского искусства имеется небольшое количество изображений птиц, относящихся, вероятно к водоплавающим, определяемых по характерной фигуре и позе, и значительно большее число-головы хищной птицы. Последняя была одной из главных тем в тагарском искусстве наряду с горным козлом» [4, с. 18].

В 1984 году в научной публикации ученого М.И. Боргоякова, прозвучала интересная версия, о том что в текстах, обрядах и символике хакасов сохранилась тесная связь хакасской богини (Ымай) с образом птицы. Он писал, что в целом тюрки Саяно-Алтая представляли богиню Умай (Ымай) в образе красивой женщины, спускающейся с неба: «Древнейший образ водоплавающей птицы (утка, лебедь) продолжает бытовать. Впоследствии он распространился и на других не водоплавающих птиц (орла и др.). В тюркоязычном мире он продолжал бытовать в образе хума/хубай/убай/уба/уман/хуу/уу со значение «мифическая или сказочная птица» а также «лебедь», «лебедь-девица». С

другой стороны в последующем развитии этот образ превратился в Умай (Ымай, Май-Ине)... Тюрки Саяно-Алтая представляли Мать Умай в образе красивой женщины, спускающейся якобы с неба. Хотя ее птичьи черты стерлись, но ясно, что она должна иметь крылья, чтобы обитать в небесах» [1, с. 139-140].

В хакасском фольклоре сохранился также образ лучезарной девы-лебедя Хуу, который занимает особое положение в текстах героических эпосов «Ай-Хуучин» и «Алтын Арыг». Птица Хуу считается прародительницей хакасов, что нашло отражение в тотемическом по своей природе обычае дарить убитого лебедя. Этот обычай описал финский ученый М.А. Кастрен в 1847 году. Ученый писал: «Как скоро татарин (хакас-прим. автора) застрелил лебедя - он отправляется с ним к соседу и по предварительном угощение айраном, дарит его ему, за что сосед непременно должен отдарить лучшей своей лошастью. Новый владелец лебедя, в свою очередь, отправляется с ним к своему ближайшему сосед и обменивает его так же выгодно. Таким образом, лебедь переходит из юрты в юрту, пока придется, наконец, кому-нибудь придется заплатить лучшим конем за полустгнившую птицу» [5, с. 389].

В таштыкском искусстве богиня Умай (Ымай) приобрела переходный образ женщины-птица или крылатой женщины (Умай-лебедь, Умай-утка). На сегодняшний день известно два подобных иконографического образа Умай-птица. Первый был найден в 1989 г. археологом С.Г. Скобелевым в древнетюркском кургане около с. Койбалы в Бейском районе Хакасской автономной области и второй образ Умай женщина-птица стала случайная находка в Астраханской области.

С художественной точки зрения, находка золотых сережек из с. Койбалы позволила выделить богиню Умай в образе женщины-птицы. На сережках богиня Умай представлена в образе мифического существа с женской голо-

вой и крыльями птицы, лицо богини наделено суровым выражением, словно непроницаемо для мирских соблазнов, отчего ее образ становится еще более таинственным. На голове богини Умай головной убор трехрогая корона «тиара» - символ царской и небесной принадлежности и главный признак Умай, а в руках сосуд, на основе наличия которого исследователи относят ряд женских изображений к образу Умай. Руки богини сложены на груди. На шее богини ожерелье с тремя подвесками в виде креста (символ бога Тенгри), знака принадлежности к небесной семье, а также крылья главный из признаков богини Умай которые в представлениях современных тюркоязычных народов Саяно-Алтая были связаны с лебедем-Хуу - сказочной птицей, которая гнездится в воздухе, иногда спускается с неба, образ птицы-матери и т.д. В мифологических системах Евразии именно птица являлась главной посредницей между двумя противоположными сферами Вселенной – «Верхним и Нижним» мирами.

В период Кыргызского каганата (VI-XII вв.) образ богини Умай (Ымай) продолжил свое развитие в художественно обработке металла. Особенно он был популярен в период тюхтятской культуры во II пол. IX - сер. X вв., когда среди многочисленных находках в археологических памятниках были обнаружены несколько блях-зажимов для кистей сбруи или игольников с изображением богини Умай (Ымай) в образе летящего лебедя-утки с веткой в клюве (символ «мирового дерева»).

В 2008 г. исследователь древнего искусства енисейских кыргызов Г.Г. Король в монографии «Искусство средневековых кочевников Евразии» дала следующую оценку образу летящего лебедя в художественной обработке металла: «Застежки в виде летящих уток с распахнутыми крыльями - также оригинальное пластическое декоративное решение чрезвычайно популярное, как уже говорилось, мотива. У тюркских народов водоплавающие птицы

(утка, гусь) входят в число особо почитаемых. В широком смысле это символ единства, союза между землей, водой и небом. В эпосе и мифах это часто встречающиеся образы. К примеру, в алтайском мифе доброе божество Ульгень представлялся в виде светлого гуся или утки. Сюжет об утке как птице-демиурге сохранился в хакасском фольклоре у качинцев. Сюжет этот известен в мифах многих сибирских народов. Мотив утки в средневековом искусстве Саяно-Алтая и сопредельных территорий представлен в двух вариантах: изображение летящих уток с распротёртыми крыльями, стилизованные в виде фигурок уток застёжки. Летящие утки иногда изображены с цветами по сторонам головы. Такая трактовка идентична танским мотивам» [6, с. 143].

Данные образы летящей утки-лебедя с веткой в клюве (символ «мирового древа») были найдены на обширной территории в пределах Кыргызского каганата в с. Тарасово (Кемеровская область), Ур-Бедари (Кемеровская область), Тора-Тал-Арты (Тува), д. Бозуново (Красноярский край), Абаканская степь (?), Иудино (Хакасия), гора Кривинская (Красноярский край), Ладейское (Красноярск), Сарагаш (Хакасия), которые в настоящее время хранятся в Государственном Эрмитаже, Минусинском краеведческом музее и Хакасском национальном краеведческом музее.

Все эти сохранившиеся древние образы богини Умай совпадают с обликом богини Умай, описанным в 1928 г. ленинградским этнографом Н.П. Дыренковой, по мнению которой: «Турецкие племена Сибири (как выявляется из молитв к Умай), представляют Умай в образе светлой женщины с длинными белыми или рыжими волосами в белой одежде (телеуты, шорцы, сагайцы). В молитвах Умай называют «золотоволосой среди 40 девиц и чистой» (телеуты), «матерью Умай с гребневидными волосами с чистейшими устами» (телеуты), «богатой матерью с пышными волосами «семидесяти люлек чистой матерью в шелк, красивой

девицей» (шорцы), «матерью Ымай с шестьюдесятью раз-
вевающимися косами (качинцы)» [2, с. 135].

Таким образом, в статье мы пытались рассмотреть образ водоплавающей птицы утки-лебедя в изобразительном и декоративном искусстве Хакаско-Минусинской котловины с эпохи бронзы до эпохи Кыргызского каганата (VI-XII вв.), который в искусстве Хакасии был связан с образом богини Умай (Ымай) – богини матери, плодородия и деторождения и занимает одно из центральных мест в хакасском пантеоне богов.

References

- [1] Borgoyakov M.I. About one ancient mythological plot, its evolution and reflection in the folklore of the peoples of Eurasia // Questions of the ancient history of Southern Siberia. Abakan, 1984. P. 135-147.
- [2] Dyrenkova N.P. Umay in the cult of the Turkish tribes // Culture and writing of the East. Baku, 1928. Book 3. P. 134-139.
- [3] Devlet M.A. On the cosmogonic ideas of the ancient inhabitants of the Middle Yenisei. Images on the Beyskaya stele from Khakassia // Semantics of ancient images. Novosibirsk. 1990. P. 83-91.
- [4] Zavitukhina M.P. Ancient art on the Yenisei. Scythian time. L.: publishing house "Art". 1983. 190 p.
- [5] Castren M. Journey to Lapland // Geoscience and travel store. M.: 1860. T. 6. Part 2. 495 p.
- [6] Korol G.G. Art of medieval nomads of Eurasia. Essays. M., Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. 2008. 332 p.
- [7] Raevsky D.S. On the semantics of one of the images of Scythian art // New in archeology. M.: 1972. P. 63-68.

Библиографический список

- [1] Боргояков М.И. Об одном древнейшем мифологическом сюжете, его эволюции и отражении в фольклоре народов Евразии // Вопросы древней истории Южной Сибири. Абакан, 1984. С. 135-147.
- [2] Дыренкова Н.П. Умай в культе турецких племен // Культура и письменность Востока. Баку, 1928. Книга 3. С. 134-139.
- [3] Дэвлет М.А. О космогонических представлениях древних жителей Среднего Енисея. Изображения на Бейской стеле из Хакасии // Семантика древних образов. Новосибирск. 1990. С. 83-91.
- [4] Завитухина М.П. Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Л.: издательство «Искусство». 1983. 190 с.
- [5] Кастрен М. Путешествие в Лапландию // Магазин земледения и путешествий. М.: 1860. Т. 6. Ч. 2. 495 с.
- [6] Король Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. М., Кemerovo: Кузбассвузиздат. 2008. 332 с.
- [7] Раевский Д.С. О семантике одного из образов скифского искусства // Новое в археологии. М.: 1972. С. 63-68.

Чебодаева М.П.

Кандидат искусствоведения, научный сотрудник, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, член АИС (г. Абакан).

К иконографии образа утки-лебедя в изобразительном и декоративном искусстве Хакасско-Минусинской котловины (VII в. до н. э. - XII вв.)

Аннотация. Статья содержит обзор предметов древнего искусства из Хакасско-Минусинской котловины – петроглифов и зажимов для кистей сбруи или игольников и бронзового навершия тагарского вождя, связанных с образом утки-лебедя в изобразительном и декоративном искусстве. При публикации были использованы археологические, этнографические, фольклорные и мифологические исследования ученых. Образ утки или лебедя в изобразительном и декоративном искусстве Хакасско-Минусинской котловины был связан с образом богини Умай (Ымай) - богини плодородия и деторождения в хакасской мифологии.

Ключевые слова: Тагарское искусство, искусство енисейских кыргызов, образ утки-лебедя, художественная обработка металла, Хакасско-Минусинская котловина.

Chebodaeva M.P.

PhD in Art History, Research Fellow, Khakass Research Institute of Language, Literature and History, AIS member (Abakan).

To the iconography of the Image of the Duck-swan in the fine and decorative arts of the Khakass-Minusinsk Basin (VII century BC-XII centuries)

Abstract. The article contains an overview of objects of ancient art from the Khakass-Minusinsk basin – petroglyphs and clips for harness brushes or needlers and the bronze finial of the Tagar leader associated with the image of the duck-swan in fine and decorative art. Archaeological, ethnographic, folklore and mythological studies of scientists were used in the publication. The image of a duck or a swan in the fine and decorative arts of the Khakass-Minusinsk basin was associated with the image of the goddess Umai (Ymai) - the goddess of fertility and childbirth in Khakass mythology.

Key words: Tagar art, art of the Yenisei Kyrgyz, image of a swan duck, artistic metalworking, Khakass-Minusinsk basin.

Аннотации

Агамиров Н.И.

Ответственность VS предательство

В статье на обширном историческом материале и широчайшем геополитическом массиве показаны те компоненты, которые присутствуют в любом предательстве. Доказывается, что предательство выступает оборотной стороной ответственности, которая проявляется на всех уровнях, от личностного до глобального. Изучение проблемы предательства направлено на более глубинное понимание, того, как в сложные исторические периоды проявлять ответственность перед народом, государством и перед собой.

Ключевые слова: геополитика, история, международные отношения, ответственность, предательство, власть.

Рябова Е.Л.

Терновая Л.О.

Празднование Нового года:

дань традиции или магия времени

В статье рассказано о политической составляющей новогодних праздников, о том, как эти праздники запрещались и разрешались в СССР, какие елочные украшения отражали историю страны и мира. Показано, почему в Новый год приковывается внимание к фигуре главы государства. Освещаются истоки благотворительной деятельности в этот период года.

Ключевые слова: Новый год, Рождество, традиции, политические ритуалы, благотворительность.

Бирюков С.В.

Освальд Шпенглер, викторианство и перспективы «надсосословной» России

Освальд Шпенглер принадлежал к тому поколению, которое формировалось в тени внешне импозантных успехов «вильгельмовской эры», в тени триумфов академической немецкой науки и в то же время — в противовес этому — рано пережило воздействие только что начавшего входить в широкий оборот направления, именуемого «философия жизни». В своей фило-

софии культуры Шпенглер подверг резкой критике европоцентристский взгляд на историю как универсальный линейный прогресс. Вместо него он предложил плюралистическую и циклическую модель, согласно которой самостоятельные локальные культуры, жизненный период которых представляет собой цикл, подобный живым организмам. Творческий потенциал подобной культуры воплощает в себе его творческая элита. Автор статьи, интерпретируя наследие Шпенглера, формулирует свой вариант ответа на вопрос о том, как возможно интегрировать национальную элиту в рамки консервативного проекта. Автор предлагает свое видение того, как соединить креативность (витальность, жизненный порыв) с консервативными и устойчивыми формами культурной и общественной жизни.

Ключевые слова: культура, философия жизни, элита, консерватизм, викторианство, Шпенглер.

Шупленков Н.О.

Шупленков О.В.

Дискурсивная конструкция международного терроризма

В настоящей статье сделан теоретико-дискурсивный подход к концепции международного терроризма. Во-первых, выдвинуты основные теоретические постулаты критического и конструктивистского подходов в международных отношениях к изучению международного терроризма как дискурсивной социальной конструкции. Во-вторых, описаны властные отношения – три причины-которые формируют международную систему и как они определяют формирование сущности международного сообщества. Наконец, была проанализирована разработка стандартизированных глобальных дискурсов по международному терроризму. Они были связаны с динамикой власти, которая составляет международную сферу. Утверждалось, что исторически политическое насилие, которое бросало вызов этим причинам, было дискурсивно сконструировано как «международный терроризм». Этот процесс был направлен на деполитизацию вызовов этого насилия гегемонии, универсальности и легитимности международного сообщества.

Ключевые слова: дискурс, международный терроризм, секьюритизация, государство, глобализм, цивилизация, разум.

Болтенкова Л.Ф.**Некоторые теоретические
аспекты сущности тоталитаризма**

Понятие тоталитаризма на сегодняшний день - одно из самых спорных в современной науке, имеет многосложный характер и признаки, общие для некоторых его типов. В статье рассмотрено некоторые вопросы сущности тоталитаризма и выделены основные его признаки.

Тоталитаризм — это политический режим, характеризующийся абсолютным контролем государства над жизнью общества и личностью. Он основывается на идеологии, которая проникает во все сферы жизни, и на насильственном подавлении любых проявлений неподчинения или независимости.

Ключевые слова: политический режим, идеология, нацизм, социализм, общественно-политический строй, тоталитарный режим.

Чебодаева М.П.**К иконографии образа утки-лебедя
в изобразительном и декоративном искусстве
Хакасско-Минусинской котловины (VII в. до н. э. - XII вв.)**

Статья содержит обзор предметов древнего искусства из Хакасско-Минусинской котловины – петроглифов и зажимов для кистей с бруи или игольников и бронзового навершия тагарского вождя, связанных с образом утки-лебедя в изобразительном и декоративном искусстве. При публикации были использованы археологические, этнографические, фольклорные и мифологические исследования ученых. Образ утки или лебедя в изобразительном и декоративном искусстве Хакасско-Минусинской котловины был связан с образом богини Умай (Ымай) - богини плодородия и деторождения в хакасской мифологии.

Ключевые слова: Тагарское искусство, искусство енисейских кыргызов, образ утки-лебедя, художественная обработка металла, Хакасско-Минусинская котловина.

Abstracts

Agamirov N.I.

Responsibility VS betrayal

The article, based on extensive historical material and the widest geopolitical array, shows those components that are present in any betrayal. It is proved that betrayal is the reverse side of responsibility, which manifests itself at all levels, from personal to global. The study of the problem of betrayal is aimed at a deeper understanding of how to show responsibility to the people, the state and to oneself in difficult historical periods.

Key words: geopolitics, history, international relations, responsibility, betrayal, power.

Ryabova E.L.

Ternovaya L.O.

Celebration of the New Year:

a tribute to tradition or the magic of time

This article describes the political component of the New Year, how these holidays were disable and enable in the Soviet Union, which reflect the history of the Christmas tree ornamentation in our country and in the world. Shows why the New Year attracts attention to the figure of the national leader. Highlights the sources of charitable activities in this period of the year.

Key words: New Year, Christmas, traditions, political rituals, charity.

Biryukov S.V.

Oswald Spengler, Victorianism

and the Perspectives of a “Supraclassic” Russia

Oswald Spengler belonged to the generation that was formed in the shadow of the outwardly impressive successes of the “Wilhelminian era”, in the shadow of the triumphs of academic German science, and at the same time — in contrast to this — it early experienced the impact of the direction that had just begun to enter into a wide circulation, called “philosophy of life”. In his philosophy of culture,

Spengler sharply criticized the Eurocentric view of history as a universal linear progress. Instead, he proposed a pluralistic and cyclical model, according to which independent local cultures whose life period is a cycle similar to living organisms. The creative potential of such a culture is embodied by its creative elite. The author of the article, interpreting the heritage of Spengler, formulates an answer to the question of how it is possible to integrate the national elite into the framework of a conservative project. The author offers his vision of how to combine creativity (vitality, vital impulse) with conservative and stable forms of cultural and social life.

Key words: culture, philosophy of life, elite, conservatism, Victorianism, Spengler.

Shuplenkov N.O.

Shuplenkov O.V.

The discursive construction of international terrorism

In this article, a theoretical and discursive approach to the concept of international terrorism is made. Firstly, he put forward the main theoretical postulates of the critical and constructivist approaches in international relations to the study of international terrorism as a discursive social construct. Secondly, he described the power relations – three reasons - that shape the international system and how they determine the formation of the essence of the international community. Finally, the development of standardized global discourses on international terrorism was analyzed. They were connected with the dynamics of power, which makes up the international sphere. It has been argued that historically, political violence that challenged these causes was discursively constructed as “international terrorism”. This process was aimed at depoliticizing the challenges of this violence to the hegemony, universality and legitimacy of the international community.

Key words: discourse, international terrorism, securitization, state, globalism, civilization, reason.

Boltenkova L.F.**Totalitarianism: the essence and signs**

Totalitarianism is a political regime characterized by the absolute control of the state over the life of society and the individual. It is based on an ideology that penetrates into all spheres of life, and on the violent suppression of any manifestations of insubordination or independence. The term totalitarianism appeared in the twenties of the last century, after the famous events of 2017 in Russia. The concept of totalitarianism today is one of the most controversial in modern science, has a multi-complex character and features common to all its types. The article examines the concept of totalitarianism and highlights its main features.

Key words: political regime, ideology, Nazism, socialism, socio-political system, totalitarian regime.

Chebodaeva M.P.

**To the iconography
of the Image of the Duck-swan in the fine and decorative arts
of the Khakass-Minusinsk Basin
(VII century BC-XII centuries)**

The article contains an overview of objects of ancient art from the Khakass-Minusinsk basin – petroglyphs and clips for harness brushes or needlers and the bronze finial of the Tagar leader associated with the image of the duck-swan in fine and decorative art. Archaeological, ethnographic, folklore and mythological studies of scientists were used in the publication. The image of a duck or a swan in the fine and decorative arts of the Khakass-Minusinsk basin was associated with the image of the goddess Umai (Ymai) - the goddess of fertility and childbirth in Khakass mythology.

Key words: Tagar art, art of the Yenisei Kyrgyz, image of a swan duck, artistic metalworking, Khakass-Minusinsk basin.

Авторы

Агамиров Н.И. - кандидат политических наук, профессор Российской академии адвокатуры и нотариата, действительный член Российской академии социальных наук.

Бирюков С.В. - доктор политических наук, профессор кафедры социальной антропологии и межкультурных коммуникаций Сибирского института управления – РАНХиГС (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск), старший научный сотрудник Центра изучения России Восточно-Китайского педагогического университета (Шанхай, КНР), профессор кафедры политологии ТГУ (Томск), профессор кафедры истории КемГМУ (Кемеровский государственный медицинский университет).

Болтенкова Л.Ф. - доктор юридических наук, профессор. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Рябова Е.Л. - доктор политических наук, главный редактор журнала «Этносоциум и межнациональная культура».

Терновая Л.О. - доктор исторических наук, профессор, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ).

Чебодаева М.П. - кандидат искусствоведения, научный сотрудник, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, член АИС (г. Абакан).

Щупленков Н.О. - доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин Ставропольского государственного педагогического института.

Щупленков О.В. - доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин Ставропольского государственного педагогического института.

Authors

Agamirov N.I., Candidate of Political Sciences, Professor of the Russian Academy of Advocacy and Notaries, full member of the Russian Academy of Social Sciences.

Biryukov S.V., Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Social Anthropology and Intercultural Communications of the Siberian Institute of Management - RANEPa (of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk), Senior Researcher at the Center for the Study of Russia of the East China Pedagogical University (Shanghai, China), Professor of the Department of Political Science of TSU (Tomsk), Professor of the Department of History of KemSMU (Kemerovo State Medical University).

Boltenkova L.F., Doctor of Legal Sciences, Professor of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Chebodaeva M.P., PhD in Art History, Research Fellow, Khakass Research Institute of Language, Literature and History, AIS member (Abakan).

Ryabova E.L., Doctor of Political Sciences, Candidate of Sociological Sciences, Professor, Editor-in-Chief of the International Publishing Center "Ethnosocium".

Shuplenkov N.O., Associate Professor of the Department of history, law and social Sciences of the Stavropol state pedagogical Institute.

Shuplenkov O.V., Associate Professor of the Department of history, law and social Sciences of the Stavropol state pedagogical Institute.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor. Moscow Automobile and Highway State Technical University.